

**Крис Клэрмонт
Виктор Милан
Стивен Ли
Джон Дж. Миллер
Уолтон Саймонс
Уильям Ф. Ву
Джордж Мартин
Льюис Шайнер
Мелинда М. Снодграсс
Одноглазые валеты
Серия «Дикие карты», книга 8**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9001632

Дикие карты. Книга 8. Одноглазые валеты / Джордж Р.Р. Мартин ; [пер. с англ. М. Стрепетовой]:

Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78431-8

Аннотация

«Одноглазые валеты» – восьмая книга из легендарной серии «Дикие карты». События, произошедшие в Нью-Йорке и Атланте во время съезда Демократической партии в 1988 году, разрушили судьбы многих героев. Ушли в прошлое золотые дни тузов и Диких карт, когда было возможно сотрудничество между джокерами и тузами. Теперь в обществе царят напряженность и недоверие.

На Нью-Йорк обрушилась новая напасть – «джамперы» – группа молодых людей, способных «прыгать» в сознание других и подчинять его своей воле.

Сможет ли город справиться с очередным безумием, охватившим людей?

Содержание

Уолтон Саймонс	5
Крис Клэрмонт	10
Уолтон Саймонс	33
Льюис Шайнер	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джордж Мартин

Одноглазые валеты

George R.R. Martin

ONE EYED JACKS

Copyright © 1991 by George R.R. Martin

© Стрепетова М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Уолтон Саймонс Ничья девушка

Послеполуденное солнце согревало их. Она лежала нагишом на кровати, скрестив руки на животе, закрыв глаза. Он скользил взглядом по ее телу, пытаясь удержать тот восторг и удовольствие, которые он чувствовал с ней всего несколько мгновений назад. Но эти ощущения уже начинали ускользать от него. Женщины умели задерживать их чуть дольше. Будто светились. Но потом все равно теряли этот свет.

– Ты могла бы остаться ненадолго, – сказал Джерри. Он попытался произнести эти пять слов так, словно они были невыносимо смешными. Не то чтобы они много смеялись в последнее время.

– Нет. – Вероника открыла глаза и поднялась, ее длинные, мокрые от пота темные волосы прилипли к лицу и шее. Джерри надеялся, что это и его заслуга, а не только последствия августовской жары. Она немного задумалась, затем встала и прошла в ванную, закрыв за собой дверь. – Вызови мне такси.

– Хорошо, уже зову. – Джерри и не ожидал, что она засмеется, и потому не был расстроен. Он услышал, как полилась вода в душе. Он натянул шорты и прошел по застеленному ковром полу в другую комнату. В спальне в верхнем ящичке комода красно-коричневого дерева лежала купюра в пять долларов. Вместе с парой новых черных кружевных трусиков и такого же бюстгалтера с низким декольте. Это был их ритуал. Может, в следующий раз она наденет это белье, а может, и нет.

Он поднял трубку и на секунду замер, когда его палец уже собирался сделать круговое движение. Он еще никак не мог привыкнуть к кнопкам. Более двадцати лет жизни в виде гигантской обезьяны и не такое с вами сделают. Внутри он почувствовал холод и тошноту. Даже Вероника не могла помочь, когда это случалось с ним. Он изо всех сил пытался отогнать эти мысли, но когда они наконец прорывались, от этого становилось еще хуже. За эти годы мир изменился, изменился серьезно и безвозвратно. Его родители переехали в Пасс Крисчен в Миссисипи и погибли во время урагана «Камилла»¹. Какой-то идиотский ясно-видящий сказал им, что его похитили и увезли туда. Тела были найдены почти в пяти километрах от береговой линии. А он все это время находился в зоопарке Центрального парка, был ростом в пятнадцать метров и покрыт шерстью. Он закусил губу и набрал номер.

– Такси «Старлайн», – проговорил уставший голос на другом конце провода.

– Семьдесят седьмая восточная улица, дом тринадцать. Девушка выйдет к машине.

Пауза.

– Семьдесят седьмая восточная улица, дом тринадцать. Пять минут. Спасибо.

Щелк.

Вероника вышла из ванной. Она подобрала свои вещи и надела их быстро и неуклюже.

– Это вполне законно, если ты будешь иногда оставаться, – сказал он. – Мы могли бы ходить в кафе. Или в кино.

– Меня не волнует, законно ли это. – Она повернулась к нему спиной, чтобы застегнуть блузку.

– Понятно. – Он перевернулся на живот, не желая, чтобы она увидела боль в выражении его лица. Иногда она могла быть настоящей стервой. В последнее время была ею почти всегда.

¹ Hurricane Camille – катастрофический ураган 1969 года, повлекший за собой грандиозные разрушения на прибрежных территориях Мексиканского залива и в устье Миссисипи.

– Прости. – Она провела пальцем по его бедру. – Я попробую что-нибудь придумать, но ничего не обещаю. Я девушка занятая.

Зажужжал интерком.

Джерри поднялся. Здесь его почти никто не навещал, кроме Вероники. Он побежал к интеркому через всю квартиру и нажал на кнопку.

– Привет, Джерри, это Бет. Спорим, ты уже забыл о сегодняшнем вечере по сбору средств. Ты не можешь оставить меня одну со всеми этими адвокатами и политиками.

– О боже. Я и правда забыл. Подожди. Я мигом. – Джерри быстро подбежал к шкафу и вытащил из него штаны и футболку. – Это жена моего брата. Вам стоит познакомиться. Она тебе понравится.

– Жена адвоката? – Вероника покачала головой. – Ты, наверное, шутишь.

– Ты будешь удивлена, но она и правда замечательная.

– Я пошла, – сказала Вероника, направляясь к двери. Джерри как раз на ходу надевал свои туфли из крокодиловой кожи и поскакал за ней по ковру. – Ну, я люблю тебя.

Вероника помахала ему, не обернувшись, и закрыла дверь.

Джерри вздохнул и пошел в ванную. Он причесал свои слишком рыжие волосы и брызнул на себя пару капель одеколона. Он услышал, как остановился лифт. Через пару секунд он вновь поехал вниз. Не стоило Бет видеть его вместе с Вероникой, которая наверняка сказала бы что-нибудь противное.

Он проверил бумажник и ключи – на месте – и поспешил в коридор, чтобы вызвать лифт.

Бет ждала его внизу. На ней была рубашка с цветочными узорами и светло-голубые брюки. Ее светлые волосы свободно лежали на плечах.

– Скорее, братишка. Пришлось парковаться во втором ряду. – Она схватила его под локоть и повела к двери. – Я только что видела, как из лифта вышла милая брюнеточка. – Она изогнула бровь. – Я что-нибудь о ней знаю?

Он попытался придать своему лицу шокированное выражение.

– Нет. А я?

Бет улыбнулась.

– Могло быть и хуже. У тебя по-другому никак.

– Верная ставка. А теперь идем и разберемся со всем.

Зал был наполнен шумом и дымом сигарет, богатыми демократами, большинство из которых пытались не казаться пьяными. Пока что. Кох и Джесси Джексон уже ранее появлялись вместе, показывая демократическую солидарность такой, какой она была. Ходили слухи, что Джексон может прийти и выступить с речью, но в планах этого не отмечалось. Джерри ненавидел появляться там, куда требовалось приходить в смокинге, но Бет пообещала в обмен три раза сводить его в кино.

Кроме них троих, за их столиком больше никого не было. Кеннет приобнял Бет – ее плечи были почти обнаженными, если не считать тонких бретелек ее шелкового голубого платья. Джерри завидовал им. Они с Вероникой никогда не покажутся на публике вместе. Вероника особенно это подчеркнула.

– Не могу поверить, что партия предложила кандидатуру Дукакиса, – сказал Кеннет. – Даже Ричард Никсон мог бы с легкостью побить его.

– Не повезло на съезде, – ответила Бет. – У Хартманна мог бы быть шанс.

– А мог и не быть. Если учесть, каково мнение общественности по поводу диких карт. Это быстро подкосило бы его. Радуйся, что ты не самый известный из тузов. – Кеннет поднялся. – Мне надо кое с кем поговорить. Скоро вернусь. – Он поцеловал Бет в затылок и исчез в толпе.

– Я вовсе не туз, уже нет. – Джерри сделал большой глоток вина. – И это, я думаю, к лучшему.

– Здравствуйте, миссис Штраусс.

Возле стула, на котором сидел Кеннет, показался молодой человек. Он был высоким, светловолосым и даже при хорошем освещении вполне мог сойти за греческое божество. Джерри сразу же его возненавидел.

– Дэвид, – Бет улыбнулась и пригласила его присесть. – Я не знала, что ты тоже здесь будешь. Как здорово тебя увидеть. Ты знаком с Джерри, братом Кеннета?

– Нет. – Дэвид протянул руку.

– Джерри, это Дэвид Батлер. Он практикант у мистера Леттема. Даже Святой Джон под впечатлением. Все время находит ему работу.

Джерри покачал головой. Энергия в рукопожатии Дэвида казалась почти ощутимой. Джерри убрал руку и выдавил улыбку.

– Чем ты занимаешься, Дэвид?

– Всем, что потребуется мистеру Леттему. – Дэвид улыбнулся Бет. – Ты сегодня прекрасно выглядишь. Не могу поверить, что твой муж настолько глуп, чтобы оставить тебя здесь одну.

– Что ты, Дэвид, я вовсе не одна. – Бет коснулась руки Джерри.

Дэвид искоса глянул на Джерри и постучал пальцами по столу.

– Мне пора идти. Мистер Леттем хочет, чтобы я пообщался с важными людьми. Говорит, это хорошо для моей карьеры. – Он встал, закатив глаза. – Рад был вас видеть, миссис Штраусс.

Дэвид ушел.

– Он, наверное, гей, – сказал Джерри.

Бет засмеялась.

– Мне так не кажется.

– Ну, значит, он богатый?

– Боюсь, что да.

– Господь точно покинул нас. – Джерри опустошил свой бокал и начал высматривать официанта.

– Не надо завидовать, Джерри. – Бет поправила свою накидку. – Не завидуй лишь оттого, что он молод, богат и божественно красив.

– Я тоже молод и богат, ну, вроде того. – Внешне за двадцать лет в обличье обезьяны Джерри совсем не постарел. Однако по документам ему было уже за сорок.

– Снова жалеешь себя? – сказал появившийся вновь Кеннет, присаживаясь за стол.

– Постоянно, – ответил Джерри.

– Ясно. Ты хоть пытался связаться с кем-то из киношников, которым я о тебе говорил? У тебя есть талант. Твои возможности впечатляют нас с Бет.

– Я займусь этим. Моя муза слегка ленива, – ответил Джерри. – Я знаю, что ты через многое прошел.

– Это было не так сложно, как доказать, что ты официально не мертв, когда ты объявился в прошлом году. – Кеннет улыбнулся. – Никто не желал верить, что ты столько лет был гигантской обезьяной. Слишком много прецедентов.

Джерри вздохнул.

– Прости, что от меня столько проблем.

– Это не так, и ты это знаешь. С появлением на свет в обеспеченной семье, как наша, приходят и большие обязательства перед обществом.

Джерри пожал плечами.

– Мне нравится думать, что я не даю своему банку разориться. Во мне говорит романтика.

Бет улыбнулась, но Кеннет покачал головой.

– Когда-нибудь эта романтика принесет тебе проблемы. Ты можешь платить людям, чтобы тебя не называли мистером Штрауссом, но ты не можешь заставить их игнорировать все вокруг, когда наступает критический момент. Люди любят тебя не за деньги, а вопреки деньгами.

Джерри не хотел сейчас это слышать. Он повернулся к Бет.

– И почему ты вышла замуж за этого парня?

Бет улыбнулась и вытянула вперед руки, оставив между ладонями расстояние сантиметров в тридцать.

– Плохая девочка, – сказал Джерри. – Думаю, это у нас семейное.

Кеннет поправил запонку.

– Не хочу сильно надоедать, но можешь быть уверен, что я от тебя не отстану. Тебе надо что-то делать со своей жизнью.

Раздался гром аплодисментов, люди начали вставать. Джесси Джексон медленно продвигался вперед к сцене, пожимая руки присутствующим.

– Кажется, теперь нас ожидает речь, – сказал Джерри, потирая затылок. – Лучше бы я остался дома и посмотрел кино.

– Демократия – это ад, братишка.

– Выпью-ка я за это. – Джерри поймал официанта за руку и показал, чтобы ему принесли еще вина. Единственной вещью, от которой его задница затекала быстрее, чем от политики, был алкоголь.

Проведя время в обществе богатых и могущественных, он не желал рано ложиться спать. Джерри проводил время то в своей квартире, то в своей комнате в родительском доме на Стейтен-айленд², где жили Кеннет и Бет. Когда Джерри вернулся, ему пришлось устроить грандиозный ремонт. Его шестнадцатимиллиметровые прожекторы сломались, а пленки расслоились от времени. Он заменил их на широкоэкранный телевизор и видеоплеер. Никто больше не коллекционировал сами пленки. Но в видеокассетах тоже была своя романтика. Ведь это дешево и просто. Правда, едва ли он был в том положении, чтобы судить людей, выбирающих простой и дешевый путь, учитывая его отношения с Вероникой. Она-то не была дешева, и с каждым днем с ней было все сложнее.

Он смотрел «Клют»³. Плохой выбор. Вероника хотя бы не надевала часы, когда они этим занимались. Правда, она, наверное, никогда и не кончала.

В дверь легко постучали: к нему заглянула Бет. Джерри нажал на паузу и пригласил ее войти.

– *Entrez*⁴. Я смотрю «Клют». Видела этот фильм?

– Раза два как минимум. – Она присела на диван рядом с ним. – Обожаю сцену, когда она, поев кошачьей еды, облизывает ложку.

Бет облизнула губы.

– Ты больная.

– Боюсь, что да. – Она взяла со стола еще две кассеты. – Что у нас тут? «Нежная Ирма»⁵ и «Маккейб и миссис Миллер»⁶. – Она замолчала. Он знал, что она ожидает его ответа.

² Островной район на юго-западе Нью-Йорка.

³ Детективный фильм 1971 года, снятый американским режиссером Аланом Пакулой.

⁴ Входите (*франц.*).

⁵ Романтическая комедия 1963 года режиссера Билли Уайлдера.

– Ну да. Я люблю, знаешь, разные жанры. Триллеры про убийства, историческое кино, комедии. Всего понемногу. – Он пожал плечами. – Мне еще многое предстоит посмотреть.

Она похлопала его по плечу.

– Я вижу, ты не хочешь об этом говорить. Я всегда чувствую себя лучше, когда выговорюсь. Если бы несколько лет назад со мной рядом не было хороших друзей и приличного психоаналитика, мы с Кеннетом, возможно, развелись бы.

– Я и не знал, что у вас проблемы.

Она засмеялась.

– Тяжело быть женой адвоката. Всегда такое чувство, что все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Иногда так и случалось. Знаю, он этого не хотел – по крайней мере, я на это надеюсь, – но иногда трудно понять. Нельзя стать другим человеком и понять, что он чувствует. Это немного пугает. Но в конце концов, просто приходится решить – верить в него или нет. Я решила поверить в Кеннета, и я не жалею об этом.

– Я рад этому. – Слова прозвучали банальнее, чем он мог подумать. – Правда. Ты мне очень помогла. Знаю, я пока не очень хорошо справляюсь, но буду стараться.

Бет поцеловала его в щеку.

– Если захочешь, то можем поговорить в любое время. – Она показала на экран телевизора. – Хочешь, скажу, кто убийца?

– Нет, спасибо. Не желаю чувствовать себя глупо, если мои догадки не оправдаются.

– Спокойной ночи. – Она закрыла дверь.

Джерри выключил телевизор и видеоманитофон. Ему все равно не понравилось, как развивалось действие в фильме. Он прошел в гардеробную. За тридцать лет комната почти не изменилась. Еще работая киномехаником, он изображал Хамфри Богарта и Марлона Брандо перед этим самым зеркалом. Богарт умер еще до того, как Джерри вытянул дикую карту, а Брандо стал старым и толстым. Он присел, открыл комод, вытащил фотографию Вероники и парик. Он выбрал самый близкий к ее цвету волос.

Он закрепил фотографию в углу зеркала и посмотрел на нее в течение пары секунд, а затем на собственное отражение. Его черты стали меняться, кожа потемнела. С волосами по-прежнему было проблематично. У него пока не получалось делать это так, как он хотел. Раньше он действительно мог превратиться в женщину, но ощущения от этого были самые странные. Он натянул парик и закрыл глаза, потом подождал мгновение и снова открыл их.

– Я люблю тебя.

Это звучало даже менее убедительно, чем из уст Вероники – несколько раз она произносила эти слова. Он снял парик и вернул свой прежний облик. Бет права, невозможно узнать, что думает или чувствует другой человек. Невозможно стать этим человеком. Он зашвырнул парик и фото в ящик комода и с силой захлопнул его.

Да и кому вообще такое захочется.

⁶ Вестерн 1971 года режиссера Роберта Олтмена.

Крис Клэрмонт

Пусть удача будет женщиной⁷

Лишь услышав, куда она собирается, все ей отказывали. Некоторые таксисты извинялись, другие откровенно хамили, а кое-кто использовал более грубые жесты и еще более грубые слова.

Если бы самолет прибыл вовремя, когда еще работали официальные службы такси, ей могло бы повезти больше, но задержка вылета и жуткая погода в пути привели к тому, что самолет приземлился далеко за полночь, и к диспетчерским службам теперь уже не обратиться.

Один водитель напрямую спросил, зачем Коди туда едет, и она, надеясь, что сумеет переубедить его, ответила:

– Собеседование по работе.

– Где ж это? – спросил он. – Там уж давно никто не нанимает.

– В больнице, – ответила она.

– Черт, дамочка, вам стоит прожить жизнь в лучшем месте, а не спускать ее в этой дыре, уж вы мне поверьте.

– Абсолютно верно. – В разговор вступил его приятель, чей акцент был таким странным, что она едва разобрала его слова. – Приличной леди нечего там делать, – продолжил водитель, при этом активно жестикулируя. Он отпил кофе, продолжая говорить, затянулся своими «Мальборо», ни на секунду не сбивая темпа речи. – Черт, людям там вообще делать нечего. Если только... – Его окутало сомнение, и он осторожно взглянул на нее. – Может, вы одна из них.

То, как он задавал вопросы, его напускная легкомысленность, попытка скрыть внезапный приступ страха и легко улавливаемая враждебность – все это привлекло внимание Коди, и она наклонила голову, чтобы получше разглядеть его своим единственным глазом.

– Одна из кого? – спросила она, искренне недоумевая.

– Из них, – как будто это был очень понятный намек. – Из джокеров, тузов, всей этой чертовой толпы.

– Я врач.

– У копов теперь есть название для их территории – «Форт Фрик»⁸. Чертовски подходящее, ну вы понимаете. Разве мало среди нас больных и нуждающихся людей, о которых вам стоит заботиться? Простите меня за мои слова, леди, но вы не похожи на Мать Терезу, понимаете?

– Абсолютно верно, – снова вступил его приятель.

– Послушайте... – Она вздохнула, но усталость после перелета не помешала ей добавить в голос холодных ноток, от которых таксист слегка напрягся и интуитивно сделал полшага назад. – Мне лишь нужно добраться до города. Если никто из вас не согласится довезти меня, то хотя бы подскажите, как еще туда можно добраться.

– Конечно, – отозвался другой таксист, тоже решив проявить свое чувство юмора, – пешком.

Никто не засмеялся, и когда Коди посмотрела на него своим глазом, тем взглядом, которым она научилась в течение сорока восьми часов после высадки во Вьетнаме и который

⁷ «Luck Be a Lady» (англ.) – песня, написанная Фрэнком Луссером для его мюзикла «Парни и куколки» (1955 г.). Песня исполняется от имени азартного игрока Ская Мастерсона: герой надеется выиграть пари, от которого зависят отношения с девушкой его мечты.

⁸ Freak – чудака, уродец (англ.).

она довела до совершенства в течение двадцати лет работы хирургом, он сразу же пожалел, что вообще решил пошутить.

– Ну, жизнь – настоящая сука. Единственный другой вариант – это междугородный автобус Q до авеню Рузвельта и Джексон Хайтс, а оттуда по линии F и прямо до Джокертауна.

– Что за F? – спросила она.

– Это значит «иди ты»...⁹ – пробормотал шутник, но она не обратила на это внимания.

– Это метро, – ответил первый водитель. – Линия Шестой авеню, вот что обозначает эта буква, поезжайте по направлению в центр.

– Спасибо, – поблагодарила она, поднимая сумку и чемодан и направляясь по тротуару к указанной автобусной остановке.

– Смотрите под ноги, Док, – крикнул он вслед, – они там просто звери, вы даже не представляете. («А ты представляешь», – подумала она.) Увидят красотку вроде вас, эти сукины дети вас просто сожрут!

Его друг вовремя невозмутимо подметил:

– Абсолютно верно!

Коди не стала спорить. Откуда ей знать, может, он и был прав.

На станции она села в предпоследний вагон, который, к ее удивлению, был переполнен. «Откуда едут все эти люди?» – удивлялась она. Водитель автобуса сказал, что эта станция – одна из основных, и вряд ли там будет больше пяти-шести пассажиров. Она пожала плечами. «Это не мой город, вдруг это вообще единственный поезд здесь в такое позднее время?» Дело в том, что, когда он прогрохотал мимо нее, остальные вагоны не показались такими забытыми.

В вагоне можно было лишь стоять – но не двигаться; пассажиры были настолько огромными и дикими, насколько можно себе представить, ночные жители, которые любили хвататься всему миру, что этот город никогда не спит; все были заперты в своих маленьких несчастных мирках, ничуть не беспокоясь о том, что происходит снаружи, и молясь всем сердцем, чтобы их оставили в покое. Никто не смотрел в ее сторону. Никто не знал, что она существует, или никому не было до этого дела. Отлично. Сейчас анонимность была самым ценным другом.

Она немного повертелась, чтобы встать поудобнее, и увидела часть своего отражения в стекле двери, которое превратилось в темноту, как только они въехали в мрачный туннель. Высокая, слишком высокая для женщины; ее рост и сила ее стройного тела совсем не подходили к ее одежде, единственной вещи в ее гардеробе, которую можно было принять за приличный костюм. Она надела нечто подобное впервые за несколько лет. Господи, подумала она, окунаясь в воспоминания, неужели это было, когда умер Бен, неужели так давно? У себя она привыкла к рабочей одежде и футболкам, привыкла одеваться удобно, а не модно – ведь если одежду не портил пот, то точно пачкала кровь, – и в жителях Вайоминга ей как раз, помимо прочего, нравилась их простота.

Они забрали ее внезапно – по крайней мере, думала она теперь с неожиданной грустью, она даже не успела привести себя в порядок. И вот она здесь, меняет свою жизнь на обитание там, где упаковка намного важнее того, что внутри. Что за черт, пожала она плечами, а уголок ее губ растянулся в легкой улыбке, когда она подумала, как легко сдалась в беседе с таксистом. «Может, перемена пойдет мне на пользу». Ну, наверное, кроме этих мерзких каблучков. Она слишком долго носила ботинки и кроссовки; к туфлям еще предстояло привыкнуть. Она высвободила стопу, чтобы помассировать ее о другую ногу.

⁹ Буква F в английском языке может использоваться как намек на первую букву распространенного ругательства.

Невольно она продолжила размышлять о своем внешнем виде, надеясь, что спешное посещение дамской комнаты в аэропорту помогло хоть немного поправить ситуацию после, казалось, бесконечного перелета. Ее волосы были черными, если не считать серебристого локона, выбившегося над ее правым глазом, несмотря на все ее усилия и применение расчески и лака для волос. Годы почти сгладили ее шрамы, но они по-прежнему сильно выделялись на ее загорелой коже; один из них проходил через правую скулу и скрывался под глазной повязкой, откуда разделялся уже на три рубца, идущих вверх до самой линии волос. Снаряд мог оторвать ей голову, но, сама не зная почему, она уклонилась от него за долю секунды до взрыва. Перестрелка была хаотичной, патроны и шрапнель разрывали ночь на куски во всех направлениях, происходившее казалось настолько безумным, что она не знала, куда деться. Так что она потеряла не жизнь, а всего лишь один глаз. Повезло, сказали ей в Дананге¹⁰ и потом в большой Тихоокеанской больнице в Перл¹¹, чертовски повезло. Тогда она так не думала, сейчас тоже в это не верила.

С той стороны в голове пульсировала жуткая боль – это всегда случалось, когда она нервничала, независимо от причины, видимо, что-то психосоматическое – массажирование не помогало, но все же было лучше, чем ничего. Она сжала пальцы почти в кулак и осторожно прижала руку к повязке и пустой глазнице. Она никогда не была красива и из-за этой раны никогда не получит шанс стать такой.

Поезд слишком резко затормозил на Куинс Плаза – кто-то закричал от боли, кто-то ругался, потому что на него наступили, – она слышала множество извинений, видела еще больше печальных лиц: людей не удивляло страдание, сопутствующее поездке. Затем двери широко раскрылись, и Коди постаралась отойти от прохода, чтобы выпустить пассажиров. Краем глаза она заметила, что люди, ждавшие у последнего вагона, вдруг бросились к передним. Те, кто успел зайти, тут же вышли, их лица искривились от смущения и отвращения. Когда волна пассажиров хлынула внутрь, прорываясь вперед, Коди извернулась и наконец пробралась к дверце в соседний вагон. К ее изумлению, этот вагон был пустым, если не считать серую бесформенную массу, расположившуюся на сиденье справа. Сначала она подумала, что это какой-то изгой.

Когда поезд тронулся со станции, оно дернулось при повороте, закачалось из стороны в сторону, и потом из-под лохмотьев показалось щупальце.

Не раздумывая, Коди распахнула дверь и ступила на крохотную платформу в последний вагон. Запах стоял стеной, перекрывая ей дорогу. Она вспомнила, как в то последнее утро в Шайло она ждала вертолеты в самом эпицентре сражений, воздух был полон крови и гниения, бензина и обгоревшей плоти. В компании одного из раненых и двенадцатого калибра она обыскала весь лагерь в надежде найти кого-то из выживших. С ней все было в порядке, пока они не добрались до штаба дивизиона. Целый месяц она провела в склепе, но только добравшись до столовой и почувствовав запах свежей еды, она наконец поняла, как невыразимо ужасно все это было. Два шага, полный вдох, и она сложилась пополам, ее рвало кровью.

Сейчас было хуже.

Дыхание джокера напоминало булькающее шипение, и когда во сне оно перевернулось, она увидела, что голое существо было мужского пола. Ноги скорее походили на культи, заросшие жуткими рубцами, и она поняла, что на самом деле это были ласты, стершиеся за годы ходьбы по бетону и асфальту. Кожа была жирной, пятнистой, серого и темно-синего цвета, а к каждому плечу крепилось по два щупальца. Первое было плотным, как человеческая рука, но не таким длинным. Щупальце расширилось и заканчивалось плоским листом,

¹⁰ Город в Южном Вьетнаме.

¹¹ Город в штате Миссисипи, США.

чья внутренняя поверхность была покрыта присосавшимися к плоти моллюсками. В каждой подмышке гнезилось еще по набору конечностей, по шесть с каждой стороны, более коротких и тонких, чем главное щупальце. Эти мелкие конечности все время дергались, переплетались между собой, цеплялись за все, что было рядом, словно ими управлял отдельный разум. Его голова была больше похожа на опухоль, растущую прямо из туловища, но вид острых зубов, которые показались, когда оно захрапело, убедил ее, что хуже уже было некуда. Его глаза были закрыты, и это ее радовало. Будто нарочно, вирус Тахиона, изуродовавший все его тело, не задел гениталии: у джокера был человеческий пенис.

Сама того не осознавая, Коди споткнулась на своих каблуках и упала, став невероятно маленькой и незначительной, почувствовав, непонятно почему, страх, когда разум подсказывал ей, что к этому существу она должна испытывать жалость. Среди грохота поезда она слышала грубые голоса – пассажиры в следующем вагоне смотрели на нее в окно, смеясь и требуя зрелищ.

Когда поезд въехал в туннель под Ист-Ривер, джокер зашевелился. Может, подумала Коди, он чувствует близость воды? Что он вообще делает на суше – или же, о боже, ему досталось тело для жизни в воде, но без жабр, которые необходимы для подводного дыхания! Она знала, что это не самая жуткая история, приключившаяся с джокером, но все же в ней это вызывало тихую ярость. Черт, даже если он и правда амфибия – если он был уже взрослым, когда вирус добрался до него, кто может обвинить его в том, что он не смог бросить свой мир, друзей, семью, работу, все, что ему знакомо, что является целью и смыслом его существования, ради нового мира. Мира, который так же неизвестен и чужд, как другая планета, мира, где он будет совсем один. «Смогла бы я это сделать, будь я на его месте?»

И ее мысли вернулись к доктору Тахиону, человеку – это заставило ее засмеяться, легко и горько, потому что во всех смыслах Тахион был менее человечен, чем она, – ответственному за дикую карту. Его люди прислали карту на Землю и перевернули человечество с ног на голову. Она задумалась, стоит ли ненавидеть этого чокнутого за то, что он сделал? Все же он уже более сорока лет пытается загладить свою вину, борясь за здоровье и благополучие «людей», заразившихся его вирусом. Наверное, ей могла выпасть и худшая судьба, чем работать вместе с ним. Конечно, выручала мысль о том, что ей действительно нужна работа.

Оно открыло глаза. Черные глаза, как у акулы, никаких эмоций, никакой глубины, лишь плоские темные круги, такие яркие, будто их отполировали, но на самом деле они поглощали все, на что падал их взгляд. Он падал на Коди. Она шагнула назад, стараясь подняться и проскользнуть в другой вагон, относительно безопасный, тем же путем, что пришла сюда. Она двинулась, и он двинулся тоже. Лишь слегка, чтобы дать ей понять, что он в курсе ее намерений. Черт. У нее был пистолет – может пригодиться. Она носила с собой сорок пятый калибр со времен Вьетнама, но он лежал в футляре на самом дне ее чемодана. Никакого толку. Ее лопатки сжались, словно по позвоночнику прошел зуд, и она скрестила руки под грудью, слегка нажимая на нее. Слабое мерцание привлекло ее внимание, и она опустила взгляд вниз. Увидев, что ее кожа сияет, как и у джокера, она затаила дыхание. Всего на мгновение ей показалось, что кости и плоть слились воедино, а вместо руки извивается и скручивается щупальце. Когда она снова взглянула на джокера, он оскалился.

– Прекрати! – прошипела она. – Оставь меня в покое!

Что-то стало извиваться под ее блузкой, в подмышках появилось ощущение зуда, щекотки, от чего она отчаянно начала искать по всему вагону хоть какое-то оружие.

– Черт тебя подери, – раздраженно проговорила она, – *оставь меня в покое!*

Резкий толчок и скрип обозначили их прибытие на Лексингтон-авеню, первую остановку на Манхэттене; от внезапного торможения, как и на Куинс, Коди упала на четвереньки и, не удержавшись, вытянулась на полу во весь рост. Джокер придерживал свое тело одним щупальцем, а другими тянулся к ней. Оскалившись, она ощупала свою ногу – туфля все еще

была на месте, и теперь наличие каблучков ее радовало. Она изо всех сил двинула ногой в сторону лица этого существа. Все равно что ударить губку: плоть просто прогибалась под воздействием. Но джокер завыл от удивления, боли и ярости, дернувшись в сторону от нее и обвинив свое лицо одним из наборов щупалец, пока остальными снова тянулся к ней, пытаясь схватить ее, хотя Коди машинально прижалась к дверям, которые, к ее удивлению – на долю секунды позже, чем надо? – открылись. Она услышала крик ярости и тревоги, скорее почувствовала, а не увидела, как через нее в вагон ступила пара темно-синих брюк; услышала резкий удар – это полицейская дубинка опустилась на руку существа. В этот раз оно уже не крикнуло, но отпустило ее. На сиденье под ним растеклась черная масляная жидкость, наполнившая вагон невообразимым запахом.

Она знала, что один только вдох убьет и ее, и ее спасителя. Чьи-то руки помогли ей встать – она увидела женские черты, и в ее голове родилась нелепая мысль: такая юная, почти ребенок. Она также, слава богу, увидела форму Транспортной полиции и пару цепочек на ее шее – на одной висел крестик, а на другой – медаль Святого Христофора, прицепленная к миниатюрному полицейскому значку. Электронный сигнал объявил о том, что двери закрываются, и женщина вытолкала Коди на платформу вместе с ее сумками.

– Вы в порядке? – спросила она после небольшой паузы. – Вид у вас обеспокоенный, я вызову подмогу по рации. Просто ждите здесь или, если сможете, поднимитесь наверх к киоску с жетонами.

Она подставила ногу так, чтобы дверь не могла полностью закрыться.

– Как, – запнулась Коди, – вы?

– Я единственный коп во всем поезде, – сухо ответила женщина.

И снова зашла в вагон.

– Нет! – крикнула Коди, бросаясь к двери, хотя поезд уже тронулся. – Нет! – Она кричала, спотыкаясь, бежала вдоль платформы, пыталась нагнать поезд, набирающий скорость; но у нее не было шансов, не было сил, она поскользнулась и упала на платформу, издав последний крик, когда хвостовые фонари скрылись в темноте. Это был, скорее, всхлип: – Нет!

Вверх от платформы вел грязный лестничный пролет. Она упала, не дойдя и до середины, привалилась спиной к перилам; ее зубы стучали, а единственный здоровый глаз смотрел прямо на большую пустую станцию, будто там были джунгли, и в любой момент она ожидала прибытия Ветеринарной службы армии, ожидала увидеть этот классический «тысячелетний» взгляд парамедиков – тоже ветеринаров, – которые в конце концов придут сюда на вызов женщины-полицейского. Он спросил, все ли с ней в порядке, и она кивнула, не совсем его расслышав и вообще не думая о том, что он сказал, не обращая внимания на происходящее вокруг. Она засунула руки в подмышки, желая убедиться, что ее плоть по-прежнему была человеческой, а не каким-нибудь жутким кошмаром; она сидела, раскачиваясь взад-вперед, взад-вперед, думая лишь о тех ужасных кукольных глазах и что они с ней чуть было не сделали. Не джокер, поняла она, а туз. Монстр. И, кем бы он ни был, чем бы он ни был, он по-прежнему был на свободе и по-прежнему охотился. И следующей женщине, которую он поймают, может и не повезти так, как ей. И она подумала о женщине-полицейском, о ее низком и резком стоне, превратившемся в крик жестокой ярости, который наполнил станцию и заставил людей повернуть головы и разумно отступить от нее в сторону. *Безумие*, подумала она, даже не почувствовав, как врач вколол ей в руку успокоительное, безумие!

Я превратилась в Данте, была ее последняя мысль до того, как она провалилась в темноту...

*...и мой мир, мой дом – это Злые Щели*¹².

Даже не открывая глаз, она поняла, где находится, – в больницах стоит особый запах, а уж в отделении «Скорой помощи» тем более. Проблема была в том, что, открыв свой глаз, она не поверила увиденному.

Над ней склонились двое мужчин.

– Вы в порядке, мисс? – спросил тот, который стоял слева.

– Это у вас любимый вопрос, – сумела прохрипеть она, радуясь, что горло саднило, и это скрывало то невероятное удивление, которое она в тот момент ощущала.

Он был кентавром, прекрасным скакуном с белой гривой, будто только что вышедшим с экрана диснеевского мультфильма «Фантазия». Золотистый окрас переходил и на его человеческую кожу, отчего казалось, что это потрясающий загар, который дополняли его пепельного цвета волосы и хвост. В его лице и поведении проглядывало невероятное ребячество, которое лишь слегка оттенялось серьезным взглядом и врачебным халатом. На его левом нагрудном кармане был вышит знак Мемориальной клиники «Блэйз ван Ренссэйлер», а прямо над ним крепился бэдж с именем.

– Доктор Финн, – выговорила она, прочитав имя.

– А ваше имя? – ответил ей он.

– Коди Хаверо.

– Вы знаете, какой сегодня день?

– Зависит от того, как долго я была без сознания, так ведь? Был четверг – нет. – Она потерла ноющий лоб. – Это ведь не так? Самолет приземлился после полуночи, так что сегодня, видимо, пятница.

– Все верно, – радостно отозвался Финн, делая пометки в ее карточке. – Никаких заметных нарушений когнитивных функций.

– А они должны быть? С чего вдруг? – пробормотала она, в ее тоне слышался оттенок резкости. – Ведь у меня шок, в конце концов, а не сотрясение.

– А теперь, мисс... – начал он.

– Доктор, – поправила Коди.

– Да, – ответил Финн, думая, что она обращается к нему.

– Нет, – терпеливо продолжила она. – В смысле, я – доктор.

– Привет, майор, – поздоровался второй мужчина, который был вне поля ее зрения. Она повернула голову в его сторону, чтобы рассмотреть парня получше. На первый взгляд этот джокер выглядел нормальным. На удивление, многие люди не сразу замечали, каков его недостаток, – хотя в самом прямом смысле это было очевидно. У него не было глаз. Не просто пустые глазницы, нет, глазниц не было вообще, просто изгиб кости от лба до носовой полости. Но этот недостаток компенсировался носом, которым мог бы гордиться сам Джимми Дюранте¹³; чувствительности этого носа позавидовала бы любая ищейка.

– Сто лет, сто зим, сержант, – узнала его Коди, пытаясь приподняться, когда он нагнулся к ней и обнял.

– Чертовски давно, и этот факт.

– Вы знаете друг друга, Сент?

– Уже лет двадцать, Док, – ответил слепой джокер. – Единственная женщина – военный хирург за всю историю США.

– Вы были во Вьетнаме? – спросил у нее Финн.

¹² Восьмой круг Ада согласно «Божественной комедии» Данте.

¹³ Американский певец, пианист и комедиант (1893–1980), отличительной внешней чертой которого был большой нос.

– В команде Джокера, – добавил Сент с отвращением. – Вы должны понять, Док, – обратился Сент к юному кентавру, – раньше их волновало только продвижение. Всем было на нас наплевать. Если нас убьют, что ж, еще одним уродцем станет меньше – вот какое было к нам отношение. Обычно, если джокера доставляли на пункт первой помощи, то уже на следующий день появлялась какая-нибудь тыловая крыса из Сайгона и забирала его. Стандартным объяснением было: его нужно увезти в специальное лечебное учреждение для джокеров. Это было логично – по крайней мере, народ велся на это, ведь мы-то жили в зоне карантина. Проблема в том, что до этого «учреждения», как оказалось, приходилось час лететь на самолете через Южно-Китайское море. Ни забот, ни хлопот: прыжок с трехсот метров в море, и телеграмма родителям бойца. Но только вот Коди, она на это не купилась. У ее порога появился человек, а она послала его куда подальше. Тот привел подмогу, ребят в хаки из Сайгона... – Финн выглядел озадаченным.

– Штабных офицеров высшего эшелона из Командования военной помощи, – добавила Коди.

– ...А к ней уже приехали съемочные бригады брать интервью. Она убедилась, что у них есть его фото, что у них есть списки жертв. Все эти аферы, теперь уже ничего нельзя было замолчать. Он отступил, испугался. После этого на порог к Коди мог попасть только раненый джокер, и то, если прилагал все усилия. А она будто была волшебницей – на ее операционном столе никто не умирал.

«Боюсь, Сент, все это без толку – как и многие другие вещи», – подумала она.

– Не хочу показаться неблагодарной, но почему я здесь? Может, я плохо ориентируюсь в Нью-Йорке, но если я правильно помню схему метро, то до клиники «Блэйз» очень и очень далеко от той станции, где меня нашли. Разве здесь нет больниц поближе?

Ей ответил Финн:

– В Службе спасения лишь сказали, что в районе Лексингтон и Третьей авеню зарегистрировано действие дикой карты. И, боюсь, твоя реакция на врачей их слегка напугала. Они поняли, что имеют дело с проявлением. А в таком случае в дело вступает «Блэйз».

– Вы ведь все равно сюда направлялись? – спросил Сент.

– Вот уж повезло, – согласилась Коди, от ее слов веяло легким холодом. Сент решил не реагировать на ее намек.

– Все верно, майор. Вы выбрали единственное правильное решение. Я считаю это удачей.

– Поезд, Финн. – Он с недоумением посмотрел на нее. – Там был транспортный полицейский, – объяснила она, – женщина, которая помогла мне...

– В отчетах ничего не было, да и вряд ли должно быть. Но я могу проверить.

– Проверьте, пожалуйста. В поезде было... существо. Похожее на джокера, но... – Она запнулась и вздрогнула, вспомнив об этом. – Не знаю, я все думаю об этом странном ощущении...

Ее голос затих, и на мгновение показалось, будто она запуталась в своих мыслях и воспоминаниях, которые никак не складывались в единую картинку в ее голове – она лишь чувствовала желание сбежать, настолько сильное, что оно почти граничило с паникой.

– Мне можно уйти отсюда? – спросил она. – И могу ли я где-нибудь привести себя в порядок перед встречей с доктором Тахионом?

– Для приезжих врачей у нас есть место ночлега наверху, – ответил Сент, не давая Финну раскрыть рот, – там они могут иногда вздремнуть, когда выдается долгая смена. Я отведу вас.

– Не стоило беспокоиться, Сент, – сказала она ему в лифте, когда они поднимались на два этажа вверх.

– Ну и срань господня – осторожнее, – вдруг предостерег ее он, но Коди уже успела ловко переступить через тело, напоминающее разваренные спагетти – оно вытекло со стула и растеклось по холлу. – Быстрая реакция.

– Хотя бы это еще при мне.

– Будь вы парнем, футбольная лига оторвала бы вас с руками и ногами.

Кондиционер не работал – не выдержал убийственной летней жары, как поведаль ей Сент, а в бюджете клиники совсем не было денег на ремонт – так что обстановка была жуткая. На небе появлялись лишь первые намеки на рассвет, но когда солнце полностью взойдет – боже упаси. Она знала, что в Нью-Йорке сложно пережить летнюю жару, а этот август, казалось, был самым худшим за все время.

– Сент, в городе что-то есть.

– В городе до хрена всякого дерьма, Коди. И все оно начинает вылезать наружу.

– Шайло.

– Все верно, вы были там. Ага, – он вздохнул. – Шайло. Или еще хуже. А вот и ваше жилище. Тут беспорядок, но, кажется, вам, врачам, так больше по душе...

– Было по душе – когда мы в молодости отработывали смены по девятисто шесть часов подряд.

– Прямо сердце кровью обливается. В общем, если проголодаетесь, я знаю хорошее кафе в паре кварталов отсюда, там подают самые вкусные завтраки.

– Я скажу тебе, если что.

– Берегите себя, майор.

– Спасибо, сержант. Это вы меня спасли.

Удивительно, но офис доктора Тахиона был вполне обычным бюрократическим закутком с видом на реку и набережную Бруклина. Одну стену занимали полки с медицинскими книгами, у другой на столе, заваленном дисками, расположилась пара компьютерных терминалов. Тахион сидел так, что мог смотреть в окно, при этом не поворачиваясь спиной к своему посетителю. Стол был антикварным; она не знала, к какому именно периоду или стилю его отнести, но он был так же прекрасен, как и небольшой буфет в углу комнаты. Широко распахнутое окно было прикрыто сеткой, а на подоконнике хаотично навалена куча разных документов. Небо было темным, и ветер шуршал бумагами – признак надвигающегося урагана, очень сильного. Она инстинктивно подбежала к окну, переложила документы на пол и прикрыла окно. В комнате стало намного теплее, и хотя поток свежего воздуха почти прекратился, теперь все это не намочит. Она надеялась, что дождь покончит с этой жарой, но сомневалась в этом. Почти вся страна пострадала от засухи этим летом, температура подбиралась к 40 градусам: по всему Среднему Западу уже говорили, что возвращаются пыльные бури времен Депрессии, а уж она знала не понаслышке, что эта погода сделала с ее любимыми горами. По радио в утренней передаче сказали о пожарах в парке Йеллоустон, и ей вспомнился едкий запах горящих сосен.

– Надеюсь, доктор Хаверо, это собеседование вам понравится не меньше, чем мой офис.

Она подпрыгнула от удивления, осознав, что устроилась на стуле за его столом – машинально почувствовав себя как дома, – и проклиная тот факт, что дверь была справа, как раз с ее слепой стороны. Она подумала пробормотать извинения, тут же отмела эту мысль, а вместо этого попробовала отделаться лишь улыбкой и пожатием плеч.

В его голосе слышалась естественная утонченность классического благородного вампира, от чего она неловко улыбнулась, а сам мужчина был полной противоположностью своего кабинета, совершенно ни на кого не похожим. Она осознала, что опустила взгляд, когда они пытались разойтись, меняясь местами. Он был на голову ее ниже. Она протянула левую

руку в качестве приветствия: ее разум среагировал на то, что уже заметило подсознание – правая рука Тахиона заканчивалась запястьем без ладони.

Он мягко пожал ей руку своей левой рукой, его едва уловимая улыбка свидетельствовала о том, что он понял и оценил ее учтивость.

– Эту встречу я жду давно, уже долгое время. Сент – не знаю, в курсе ли вы, но он у нас заведует Программой помощи ветеранам Вьетнама – все эти годы пел вам дифирамбы. – Жестом он указал ей на стул. Она видела его на фотографиях, в основном, конечно, в газетах или по телевизору, его необычные наряды оставались всего лишь нарядами, а его появление на экране уже стало таким же банальным, как улыбка персонажа из надоевшего сериала. – Но смею предположить, – продолжил он, – что предвкушение не совсем взаимное.

– Неужели это так заметно? – ответила она, думая намеренно отчетливо: *или вы прочитали мои мысли, чтобы это узнать?*

При личной встрече его внешность оказалась не менее странной, но зато более эффективной. Живое олицетворение аристократа восемнадцатого века. Брюки темно-фиолетового цвета заправлены в ботинки из серой замши, зеленая рубашка под оранжевым двубортным жилетом – и все это создавало еще больший контраст с его белым больничным халатом, который временно заменял бордовый сюртук, висевший на вешалке в углу комнаты.

Он кивнул на бумаги, которые она передвинула.

– Весьма благодарен, – сказал он, не обращая внимания на ее внешнюю и внутреннюю реакцию. – В здешней суматохе легко забыть о чем-то таком. Как вы можете понять, я далек от организованности. А хороших секретарей, особенно в Джокертауне, найти чертовски трудно.

Его лицо состояло из частей, которые вместе не соответствовали классическому понятию красоты, но по отдельности были, несомненно, привлекательны. Таким же образом зачистую описывали и саму Коди. Хотя в его случае, заметила она, конечный результат оказался более изящным. Его правая рука покоилась на перевязи, культю недавно заново обмотали бинтами – рана совсем свежая. В письме, в котором он приглашал ее в Нью-Йорк, об этом не было ни слова. «Интересно, что же я пропустила, борясь с пожарами в джунглях?» – подумала она. Это могло бы объяснить изящность его манер, она и сама видела подобное в отделении «Скорой помощи». Она вспомнила собственную реакцию, когда очнулась и обнаружила, что у нее больше нет правого глаза.

– Так вот зачем я вам понадобилась?

– Это вряд ли, учитывая ваш послужной список. – Он вопросительно посмотрел на нее. – Вы всегда так прямолинейны?

– Да, – бесхитростно ответила она.

Вдруг внутреннюю часть его глаз скрыла тень, и она поняла, что каким-то образом прорвалась через его барьеры, добралась до воспоминания настолько же болезненного, как и ее собственное. Она покраснела от гнева и негодования и даже не стала скрывать своего ликования в честь этой маленькой, банальной победы. «Да кем ты себя возомнил, придурок? – едва слышно прорычала она, надеясь, что он ее слушает. – Какое право ты, какое право *кто-либо* имеет на то, чтобы копаться в чужих мозгах, черт побери, – или у нас совсем не осталось ничего личного?»

– Честно говоря, – продолжил он, будто перед этим ничего не произошло, и Коди осознала, что восхищается этой чертовски чуждой уравновешенностью не меньше, чем проклиная ее. – В свете последних событий я совсем позабыл о своем письме. Не ожидал, что вы откликнетесь.

– Отчаяние преодолевает даже самые жуткие страхи.

– Как умно. Я успел посмотреть только один выпуск новостей. Что именно произошло? Она пожала плечами.

– Я закрыла рот, а меня в ответ подстрелили.
– Неприятно.
– Надо познакомить вас с моим сыном, его мнение об этом точно такое же.
– Буду рад с ним встретиться. У меня самого есть внук.
– Поздравляю.
– Спасибо. Настоящее благословение. – Его манера речи, его тон едва заметно изменились, и она подумала, настолько ли это правдиво, насколько должно казаться.
– Я рада за вас.
– А меня по-прежнему терзает любопытство.
– Ну, – вздохнула она, – после рождения Криса я завязала с жизнью в городе и отправилась в далекую глушь. Родители оставили мне свое ранчо – не особо просторное, совсем не такое большое, чтобы оно могло себя окупать, но местечко просто райское. Так что я переехала туда и занялась частной практикой. Врач-терапевт в небольшом городке, в придачу занимающийся хирургией. Думала, что так оно и пойдет. Пока не начались пожары.
– Они все еще горят. Прошлой весной едва ли кто-то понимал, чего нам ожидать. Служба охраны лесов действовала согласно установленным нормам, не обращая внимания на возгорания от ударов молнии. Но погода стала зверской – ни капли дождя, солнце высушивает деревья, ветер раздувает искорки до огненных бурь. Тревога дошла до каждого пожарного наряда в стране. Индейцы справились с большей частью пожаров, они в этом лучшие.
– Док, вы когда-нибудь задумывались, что будет, если ваш вирус атакует неживую материю самой Земли? А некоторые из этих индейцев задумываются. Вы бережете свою шкуру, но стараетесь не замечать ни апачей, ни шайенов¹⁴. Они считают наш мир живым существом, как и само человечество. Они видят, что с людьми делает дикая карта, они переживают, что она может то же самое сделать с планетой – и даже убить ее.
– Это абсурд. – Он был искренне потрясен. Она едва ли это заметила. Она находилась в самом центре просторного горного луга посреди толпы – настолько изможденной, что некоторые просто не могли стоять, не то что бежать, – и в ужасе смотрела на пламя, стеной возвышающееся в двухстах метрах от нее, где пять минут назад еще высился великолепный лес.
– Возможно. Пожары кажутся нам живыми. Они проворны и умны, коварны, словно медвежья ловушка. Служба охраны леса привезла несколько команд джокеров, чтобы те справились с монотонной уборкой в самых малоопасных частях леса. С ними все должно было быть в порядке. В любом другом пожаре, любым другим летом так бы и было. Думаю, об остальном вы можете догадаться.
– Насколько серьезно все было?
Она встретила взглядом с Тахионом.
– Встречный пожар¹⁵ перебрался на команду джокеров и серьезно их потрепал. Я тогда возглавляла пункт первой помощи в Йеллоустоне. Семеро из них добрались до меня живыми. В критическом состоянии, с серьезными ожогами, но у них был шанс. Мы погрузили их в «Хьюи»¹⁶ и отправили в нашу главную больницу. Но там от них отказались. Сказали, что не хватает коек. Брехня, конечно, мы перевели половину их пациентов специально для того, чтобы у них *были* места для наших пострадавших. Но они были непреклонны и не принимали их. В нашем списке было еще три больницы, от них получили тот же ответ. Пилоту пришлось вернуть их назад. Я же была главной в пункте первой помощи – и нашей основной задачей было доставить раненых по воздуху в подходящее лечебное учреждение как можно быстрее. У меня не хватало работников, не хватало оборудования, чтобы спра-

¹⁴ Представители племен североамериканских индейцев.

¹⁵ Используется для прекращения лесного пожара.

¹⁶ Американский вертолет Белл УН-1 «Ирокез», который неофициально называют «Хьюи».

виться с чем-то серьезным самой. Через два дня они скончались. Одному из них под конец лекарства уже не помогали. Он кричал, как ребенок, таким тонким и высоким криком. Он перекрикивал даже шум выстрелов, и однажды я поняла, что ищу топор или лопату, проклиная себя за то, что под рукой не оказалось пистолета. Я хотела разбить голову этого несчастного существа, только чтобы оно заткнулось. Я не сдержалась, к тому моменту я и сама уже немного съезжала с катушек. Я нашла съемочную группу и дала им интервью в прямом эфире для утренней передачи.

– Я видел эти съемки. Ваши слова звучали пылко.

– И принесли мне сплошную пользу. Больницы с легкостью прикрыли свою задницу. Отозвались на мои слова волной праведного гнева. А когда закончили жаловаться, то оставили все так, что моя вина выглядела правдоподобной. В общем, это было не лучшее время для того, чтобы вступить за права джокеров. Я ведь там выросла. – В ее голосе слышались мягкие нотки, странные отзвуки того, что чуть раньше она услышала в тоне Тахиона, будто они оба до сих пор не могли поверить в то, что с ними случилось.

– Это место стало моим домом, там я вырастила своего сына, а пять минут в программе «Сегодня» все это уничтожили, как огонь Норт-Форк уничтожил леса Галлатин Рэндж¹⁷. Служба охраны леса, – она закатила глаза, – отправила меня следующим же вертолетом. Я добралась домой, обнаружила, что больше не числюсь постоянным сотрудником в местных больницах. Через неделю я стала терять пациентов. А через месяц... Разослала отклики на вакансии, но пошли слухи, что я попала в черный список. Меня сочли смутьянкой, никто не хотел иметь со мной дела.

– Никто вас не поддержал?

– Вы не представляете, насколько люди напуганы... – «вашим *проклятым* вирусом», – мысленно закончила она.

В его взгляде что-то промелькнуло, на губах проскользнула легкая грустная улыбка, скрывшая внезапный укол боли, по которому Коди поняла, что он знал намного больше, чем мог рассказать.

– Итак, – наконец спокойно сказал он, – вы здесь. – Она добавила: *потому что у тебя нет выбора*.

– Я врач, а это больница. И мне нужна работа.

– У меня много врачей, Коди, мне не нужен еще один врач. Мне нужна моя правая рука. – Он легонько пошевелил ею и не скрыл, что это движение далось ему с болью. В его голосе теперь зазвучала неуверенность и нечто такое, что Коди посчитала ничем другим, как стыдом.

– Мы, такисианцы, очень гордые существа. Мы поощряем идеал в мыслях, поступках и в самих себе. Уродство недопустимо. И все, как вы видите, я теперь уродлив. Настолько физически недостойн собственного имени и звания, насколько добился их своими поступками. Видимо, это мое последнее наказание за то, что я принес дикую карту на Землю.

Она промолчала.

– Мне нужен кто-то, кому я смогу доверить совместное управление клиникой.

– Почему я? – спросила она.

– В основном... – на мгновение он замолчал, а она задумалась, чьи мысли он пытается собрать – ее или свои собственные. Именно это так чертовски бесило ее: не знать, копается он сейчас в ее голове или нет. И потом она подумала о том, что он может там увидеть – если ей было трудно бороться с самыми темными уголками и закоулками своей души, то каково было ему? Она-то беспокоилась только о себе; он был посвящен в секреты *каждого*.

¹⁷ Горная цепь и лесной массив, частично относящиеся к Национальному парку Йеллоустон.

А это может оказаться слишком даже для самого извращенного вуайериста. Затем она снова сконцентрировалась, чтобы понять, что говорит Тахион.

– Это Сент поведал мне о вас, – сказал он. – Я гордый человек, Коди, но даже я не могу больше отрицать, что мне нужна помощь. И им тоже. – Она вздохнула, пытаясь отвлечься на вид в окне. Небо теперь стало скорее черным, а не синим; скоро начнется ураган.

– Не знаю, – наконец ответила Коди.

– Тогда зачем вы пришли?

– Я подумала...

«Что?» – спросила она саму себя. Внезапный порыв ветра влетел в комнату, неся с собой затхлый запах соленого моря, и даже до конца не осознав, она вскочила на ноги, сделала два шага к двери, инстинктивно потянувшись за сорок пятым калибром, лежавшим на дне ее сумки.

Она не могла двигаться. Застыла в потрясении, будто статуя, а Тахион встал из-за стола – во взгляде его сиреневых глаз мелькнуло удивление и беспокойство – и медленно забрал «кольт» из ее руки и снял сумку с ее плеча. Положил их на стол. Все еще застыв, она смотрела, как он наливает крепкий коньяк в хрустальный бокал. Затем он снял мысленный затвор.

Она не упала, хотя очень хотелось, но и его тоже не ударила.

Она осторожно отпила коньяк, прекрасный вкус которого обжег ее изнутри.

– Встреча этим утром, должно быть, произвела на вас серьезное впечатление, – спокойно произнес он.

– Видимо, да, – согласилась она, пытаясь унять дрожь в руках. – Я предоставила доктору Финну самое полное описание.

– Я знаю. Джокера, которого вы повстречали, нет в наших файлах, но это и неудивительно.

«Это же не джокер, – мысленно закричала она, – разве вы не понимаете?»

А вместо этого, поставив бокал на стол, сказала:

– Это была ошибка, доктор, думаю, мы оба это знаем. Не стоило мне сюда приходить. Мне жаль.

– Вообще-то, как мне кажется, вы правы. Они и джокеры, и одновременно прокаженные тузы, хотя слишком многие считают, что их силы помогают им стать неуязвимыми. Им все больше кажется, что все восстали против них. Знакомые вдруг становятся незнакомцами, люди, которым вы доверяете, предают вас – или, что еще хуже, считают, что вы предали их. Мы здесь работаем как с разумом, так и с телом, мы не можем допустить такой двойственности – и скрытой враждебности – даже среди постоянных сотрудников, а уж тем более моему второму «я».

Она хотела сказать: «Уверена, вы кого-нибудь найдете», но слова застряли у нее в горле, потому что они оба знали, что это неправда.

Она почти прошла через главный холл клиники, болезненно осознавая, что, не считая некоторых работников, здесь она была единственной с более-менее нормальной внешностью, и из-за этого ей вслед шептали проклятия и насмешки – иногда и более громким шепотом. В холле ее догнал Сент.

– Жаль, что вы *didi mau*, майор, – сказал он.

– Ничего не поделаешь, Сент. Пора нам к этому привыкнуть.

– Этим летом, после этого долбаного съезда, мне кажется, что мы уже перешли все чертовы границы. Наверное, вы правильно делаете – смываетесь, пока есть возможность.

– Ага.

– Ладно, слушайте, я тут не за этим. Тот джокер, на которого вы наткнулись – не могу сказать точно, ведь я не могу в этом *зрительно* убедиться, – но, кажется, его только что привезли. Доставлен мертвым.

– Где он?

– В морге.

– Покажешь мне?

В морге не было никого, кроме дежурного патологоанатома – натурала, который больше всего желал дать волю своей ярости: он ненавидел всех бюрократов, сославших его в эту тюрьму. Он слышал про Коди и понял, что они родственные души – оба попытались побороть систему и оба здорово облажались. Он показался ей болваном, но она не подавала виду, пока он был готов ей помочь.

Труп лежал на столе, и Коди с удивлением обнаружила, что мертвым он оказался не менее жутким, чем живым.

– Чертовски противно, – согласился патологоанатом.

Сначала она не ответила, продолжив осмотр и мысленно сравнивая тело с тем образом, который ей запомнился.

– Когда-нибудь видели подобное? – наконец спросила она.

– Смеетесь? Боже, нет. К тому же я думал, что каждое проявление вируса уникально.

– Такова теория, – согласилась она. – Есть шансы на верную идентификацию?

– Ни одной чертовой идеи, простите мой французский. Кроме того, что существо женского пола.

– Женского? – резко спросила она.

– Ага. – Он пожал плечами. – Взгляните. Конечно, ничего похожего на сиськи, но есть что-то вроде гениталий. Думаю, в течение своей смены я смогу проверить мочеполовую систему.

– Проверьте. – Она говорила таким машинальным, грубоватым голосом, что он в ответ просто записал ее приказ в своем рабочем журнале, подумав, что она старше его по должности.

– Получится установить личность?

– Рук нет, а значит, никаких отпечатков. Скан сетчатки по таким глазам мы тоже не получим, а стоматологические записи?.. – он показал на слегка приоткрытый рот, полный клыков. – Это полная физическая метаморфоза, ну, не считая того, что в теле джокера ничто не работает так, как должно. Так что мы имеем водоприспособленное существо, которое не может жить в воде. С плавниками, но без жабр.

Коди посмотрела на плотные, массивные, практически гигантские плавники, которые служили существу «ногами».

– Можешь мне что-нибудь рассказать о них? – спросила она.

– В каком смысле? – Он подавил зевок. – Помимо того, что я уже рассказал?

– Они быстро изнашиваются?

– Сами посмотрите. Такая же фигня будет и с вашими ногами, если повсюду ходить босиком. Особенно по этому городу.

– Значит, она долго этого не делала?

– Сомневаюсь. Через какое-то время у них на ногах образуются грубые, жесткие мозоли – рубцы от постоянного трения и ссадин. А может, еще и из-за давления костей ног – как видите, это не совсем ноги в том смысле, как мы это себе представляем, они не созданы для ходьбы. Да, Док, скажу вам честно: эта малышка просто исключительна.

– И кто-то точно был чертовски недоволен встречей с ней.

Он стянул простыню, закрывавшую тело джокера, открывая ее взору несколько жутких ран.

– Когда-нибудь видели след челюсти? – спросил он, и Коди кивнула. – Когда я учился в медицинском, к нам поступил какой-то сукин сын – набаловался с тигровой акулой. Примерно такой же укус. Забавно. – Он отошел от стола, внимательно посмотрел на труп, а Коди пересмотрела свое мнение о нем: несмотря на всю свою надоедливость, работник он был отличный. – Не знай я их анатомию, то сказал бы, что она сама это сделала – похожий радиус укуса, даже немного шире, похожая структура зубов. Но она никак не могла дотянуться сюда и нанести себе эти раны.

– Может, близнецы?

– Вы серьезно? Господи, надеюсь, что нет.

Она посмотрела на плечо существа. От укуса раздробились кости и повредились сосуды, ведущие к сердцу.

– Причина смерти?

– Остановка сердца из-за потери крови в результате серьезной травмы, нанесенной насильственным путем.

– Кто ее нашел?

– Кажется, рабочая команда. С транспорта. Слышал, она напугала их до смерти. Черт возьми. Я не понимаю, как можно *кого-то* заставить работать в такой дыре.

– Где? – спросила Коди, когда он замолчал, чтобы перевести дыхание.

– Сейчас до этого дойдем. – Он посмотрел на свои записи. – Полного списка у нас пока нет – наверное, найдем в администрации или по пути, мне лишь известно, кто это был, потому что команда экстренной помощи жаловалась, что им пришлось ехать сюда, пока другим «Скорым» пришлось отвозить выживших в Беллвью. А значит, это все случилось примерно в районе Манхэттена. Что у вас там, Док, что-то нашли?

– Не уверена. Подайте пинцет.

– Держите. Что-то блестящее. Осколок цепочки, что ли, зацепившийся за рану. Вот черт! – воскликнул он, когда Коди вытащила и цепочку, и медаль, которая на ней висела. От миниатюрного щита почти ничего не осталось, но сама медаль Святого Христофора была практически нетронутой. Жаль, она не защитила своего владельца.

– Док, с вами все в порядке? Вы жутко побледнели, хотите воды?

Она отмахнулась от него, упершись сжатой в кулак рукой в стол и держа пинцет в другой. Бедная женщина, подумала она, прошла через всю трансформацию, которая лишь едва коснулась меня. Это с ней сделал не просто туз: этот сукин сын настоящий хищник.

– Возьмите образец крови. Проверьте на наличие дикой карты.

– Зачем терять время? Откройте глаза пошире и посмотрите. Она же джокер, это очень заметно.

– Не откажите мне. – Ее взгляд добавил ему воодушевления. – Как можно быстрее, пожалуйста, – сказала она, – и потом отправьте результаты Тахиону.

Она сидела за столом Тахиона, пытаясь облечь свои мысли в слова на бумаге, но в основном просто смотрела на пустой блокнот и вертела в руках авторучку, найденную в кабинете. Заостренный кончик, изящные линии – выполняла свою работу, но по желанию ее приукрашивала. Как и Тахион. Она надеялась, что Тахион левша или хотя бы одинаково владеет обеими руками: переучиваться, чтобы использовать слабую руку, адски сложно, а его почерк никогда не станет таким же плавным, и каждое слово будет напоминать о – как он там сказал? – его «уродстве».

Она подумала о своей собственной потере и задумалась, почему же ее это не сделало инвалидом. Собственно говоря, ее карьера хирурга должна была закончиться: с одним глазом

было невозможно все четко рассмотреть, определить расстояние между органами, и все же проблем у нее совсем не возникало. Казалось, она всегда знает, что делать, всегда на долю секунды опережает остальных и каким-то образом чувствует, что они собираются делать, где они вскоре окажутся. Все считали это удачей – и она тоже, в определенных пределах, в тех редких случаях, когда она вообще об этом задумывалась.

Она нахмурилась и издала яростный звук: будь это действительно удача, она оказалась бы в лучшем положении, чем сейчас. Она начала что-то записывать. Брэд Финн сказал, что Тахиона вызвали в местное отделение Форт Фрик. Коди задумалась, было ли это связано с женщиной-полицейским, и еще попробовала представить, какова будет его реакция на ее новости. Туз-хищник – уже само по себе плохо, но если он превращает натуралов в джокеров, то становится худшим кошмаром окружающих, напоминая о всеобщем отчаянии прошлой весны, когда по городу бродил Тифозный Кройд, а на Манхэттене было временно введено военное положение. Она подумывала рассказать все Финну – кентавр ей понравился, – но она знала его недостаточно хорошо, чтобы доверять ему. Воспоминания о том, что случилось в Вайоминге, были еще слишком свежи; ее друзья лгали ей, а те, кому она доверяла, отвернулись от нее. Она не желала снова стать настолько уязвимой. Сент, которому она бы доверила собственную жизнь, уже давно был дома.

Она подумала, не остаться ли в больнице до возвращения Тахиона, но поняла, что не усидит на месте. За окном лил дождь – плохой знак, ведь, судя по долгим паузам между молнией и раскатами грома, ураган еще не достиг своего предела. Но ненастная погода ничуть не развеяла тяжелую атмосферу. Совсем наоборот. Она ходила туда-сюда по кабинету, сама не понимая, почему так нервничает, почему так настороженна – такого она не ощущала со времен Вьетнама. Легко перепутать, ведь ливневый дождь и духота скорее привычны для дельты Меконга¹⁸, а не для Манхэттена. Именно так она чувствовала себя в Шайло, в вечерних сумерках, когда все знали, что чарли где-то в джунглях, за ограждением, ожидает наступления полной темноты, чтобы навестить их.

Она запечатала отчет и улики в конверт из манильской бумаги, оставила его на столе Тахиона, решив, что на сегодня хватит, и она все равно уже узнала больше остальных.

Иллюзия продлилась не дальше главного входа в клинику, где ее вопрос о возможности поймать такси вызвал смех и искреннее удивление. Охранник разрешил ей воспользоваться своим телефоном, чтобы попробовать дозвониться в радиотакси. Большинство номеров оказались заняты, а в тех немногих компаниях, куда она все же дозвонилась, бесконечно дожидаясь ответа оператора, вешали трубку, как только она называла адрес. У клиники остановилось местное цыганское такси, которое подвозило джокера. И сам водитель был таковым. Но когда Коди подбежала к обочине, и тот увидел, что она натурал, он показал ей средний палец, похожий на птичий коготь, и быстро уехал, обрызгав ее из самой большой лужи, чтобы дополнить свое оскорбление.

– К черту это все, – устало пробормотала она, разъяренная растущей предвзятостью джокеров не меньше, чем самой собой. Может, ей лучше вернуться в китайский квартал или Маленькую Италию. Там она по крайней мере сможет поесть: она не ела с тех самых пор, как в самолете подавали жалкую пародию на ужин.

Улицы были пустынные, и все здравомыслящие жители города прятались от дождя, пока ураган не стихнет. Это был настоящий муссон: вода стеной лилась с неба, сливные стоки уже не справлялись, и некоторые улочки превратились в озера глубиной по щиколотку. Эти улицы прокладывали еще в девятнадцатом веке; к этому же времени относились

¹⁸ Самая большая река Индокитая.

и здания, и тротуары, теперь покрытые асфальтом. Но этим летом ремонт не проводился, а значит, во многих местах асфальт протерся до первоначального покрытия – булыжника, ходить по которому было небезопасно. Она думала, что идет в верном направлении, следуя указаниям охранника из клиники, но улицы по-прежнему казались незнакомыми.

Большая часть Манхэттена представляла собой единую систему: улицы тянулись с востока на запад и с севера на юг. Чтобы там потеряться, надо было сильно постараться. Но здесь все было не так. Некоторые улицы скорее походили на переулки, бездумно ответвлявшиеся от главных проспектов, которые тянулись вдоль естественного изгиба острова. Старые здания такими и выглядели; в основном они были построены во второй половине прошлого века и представляли собой многоквартирные дома без лифта, которые не видали лучших дней и вряд ли теперь увидят. Она улыбнулась сама себе – но в этой шутке была лишь доля шутки – и представила, как вирус дикой карты превращает эти старые дома в живых существ, которые играют друг с другом в «музыкальные стулья»¹⁹ и сбивают с толку своих посетителей. Были ли их окна глазами, которые наблюдают за каждым ее движением, а входные двери – их ртами? Если она зайдет в один из них, чтобы укрыться от дождя, не поглотит ли он ее? Она ухмыльнулась, но все равно решила идти ближе к середине улицы, объясняя это тем, что так будет легче поймать такси. Сукин сын сможет проехать вперед, только сбив ее. Если, конечно, он вообще появится. Она зашла уже далеко и должна была добраться до окрестностей Джокертауна, но не увидела ни одного китайского магазинчика.

Затем на углу она заметила ярко-зеленый шар на грязной зеленой ограде и вспомнила, что так обозначаются станции метро. Какого черта, подумала она и спустилась вниз по ступенькам, отряхиваясь, как едва не потонувший щенок, чтобы немного обсохнуть, прежде чем полезть в сумку, которую она, к счастью, додумалась надеть под плащ. Доллар за жетон. Когда она спросила у служащего дорогу, то оказалось, что она вышла не на ту платформу. Отсюда поезда шли в центр, и она бы отправилась в Бруклин через тоннель под Ист-Ривер.

– Здесь есть подземный переход? – спросила она, ужасно не желая возвращаться на улицу, в шторм, пусть только для того, чтобы перейти улицу.

– Даже если бы и был, толку нет, – ответил служащий, к удивлению Коди, еще один джокер, отправляя медный жетон в узенькую щель. – Платформа закрыта, ремонтируют рельсы.

– Отлично.

– Они должны были уже закончить, поэтому и работают по ночам, чтобы линии и станции открывались днем, особенно в час пик, но из-за шторма, наверное, работа застопорилась. Нехилый дождик, – с сочувствием добавил он.

– Еще какой, – согласилась она. – Так вы можете хотя бы подсказать мне, что это за линия, снаружи я не видела никаких обозначений.

– Это линия F, мэм. Индепендент²⁰ Шестая авеню. – Коди не совсем расслышала его последние слова; она медленно и осторожно оборачивалась в сторону станции, осматривая платформу так же внимательно, как в свое время пожароопасную границу лесов. Она в ярости покачала головой, ругая себя за такое ребяческое поведение. Джокертаун для нее – чуждый город, но и она не робкого десятка, она знает, как себя контролировать.

– Тогда как мне уехать в сторону окраины? – спросила она, довольная, что может спокойно поглазеть – снаружи кабинки никого не было.

¹⁹ Детская игра, в которой участники под музыку ходят вокруг стульев, а когда музыка оканчивается, бросаются занимать места; стульев всегда на один меньше, чем участников.

²⁰ Линия метро, соединяющая Бруклин, Куинс, Манхэттен и Бронкс.

– По линии F до Джей-стрит Боро Холл, затем поднимитесь по лестнице к платформе в сторону окраины. Там можете выбрать, мисс, между линиями F и A. По F доберетесь сразу до середины острова, но на A пересаживаться удобнее. Дать вам карту?

Последнее она не расслышала.

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарила она.

– Мы здесь как раз, чтобы помогать. У вас сыпь или что-то такое? – Она озадаченно посмотрела на него, не понимая, что он имеет в виду. – Вы так сильно чешете руку, наверно, сильно зудит.

Она взглянула на свою руку, потому что сама не осознавала, что расчесывает ее – неужели кожа онемела? – и она похолодела, снаружи и изнутри. Тыльная сторона ее ладони невероятно блестела легким серебристым оттенком в свете флуоресцентных ламп.

Она посмотрела в сторону лестницы. Вода заливалась вниз огромным каскадом, словно била из фонтана, и проплывала потоком мимо нее в сторону станции, через терминалы и к рельсам. Она слышала, как вода плещет уже внутри – из вентиляционных шахт и решеток на платформу.

В прошлый раз ее спасли. И женщина-полицейский за это поплатилась. «Разве это моя вина, – спрашивала она сама себя. – Откуда я могла знать? Но какая тут связь?» Она поняла и сощурила глаз. Может, в этом и суть – именно она спаслась. Туз с внешностью джокера и способностью превращать людей в себе подобных. Нет, поняла она, и эта идея ее вдохновила, не всех людей – женщин! Колода дикой карты действует только на один класс, и каждой жертве приходится стать не похожим ни на кого существом и прожить свою жизнь в одиночестве. И у кого-то настолько ужасного, как тот туз, не будет даже надежды на обретение друга. Но если его сила и заключается в том, чтобы создавать себе спутников?.. Звучит логично, и леди-полицейский тому подтверждение. Коди не нужно было представлять, как себя чувствовали жертвы туза: какой-то жуткий инстинкт подсказывал ей, что ни она, ни женщина-коп не были первыми. Но если это так, подумала она, почему никто этого не заметил, а если есть другие, то что с ними случилось?

Размышляя об этом, она пошла дальше, слегка покачивая головой взад-вперед, чтобы хорошо рассмотреть все единственным глазом. Турникет, через который она прошла, издал на удивление громкий звук – все звучало громко, ее чувства не были так обострены со времен войны. Судя по всему, платформа была пуста.

«Продолжай соединять кусочки мозаики, – говорила она себе, – и посмотри, что выйдет». Ладно, туз трансформирует женщин – вполне понятно, он одинок и ему нужен друг – только они этого не любят. Вспомнив следы укусов на погибшей женщине-полицейском, она оперлась о плиточную стену и откинула голову. Вот как объяснить, что их никто не видел – он их убивает. Она подняла руку, пытаясь убедить себя, что серебристый блеск вовсе не стал ярче. Она была незаконченным делом. Наверное, как Моби Дик для Ахава²¹.

Тахион разобрал ее пистолет, когда забирал его; она проверила обойму, вставила ее в свой, 45-го калибра. Зарядила патроны, щелкнула предохранителем и засунула тяжелое оружие за ремень на спине. Не самый удобный вариант импровизированной кобуры, особенно учитывая вес пистолета, но она хотела, чтобы он был рядом и в случае чего ей не пришлось бы копаться в сумке. Сумка – это уже другая проблема, лишняя вещь, без которой она вполне могла обойтись.

Из туннеля вырвался поток воздуха, вдали показались два пятна света, медленно приближающиеся к ней – казалось, целую вечность, – прежде чем высвободиться из темноты и обнажить блестящий металл поезда метрополитена. Пока поезд замедлялся, она заглядывала в каждое окно, надеясь увидеть туза, но во всех вагонах были только люди. Она броси-

²¹ Капитан Ахав, герой романа Германа Мелвилла «Моби Дик».

лась к следующему и проскользнула внутрь, как раз когда машинист, не желая оставаться на этой остановке дольше необходимого, закрыл двери.

Некоторые пассажиры посмотрели на нее, вероятно, задаваясь вопросами – как и таксист сегодня утром, который показался Коди будто существом из другого времени, из другого мира, – кто она такая, была ли она одной из них. Она ловила их взгляды, как это было и после возвращения из Вьетнама, и продвигалась вдоль вагона, машинально проверяя каждое сиденье. Она дернула дверь между вагонами, но в отличие от поезда, на котором она ехала утром, здесь они были закрыты. Черт, мысленно заворчала она, такие сложности ей не нужны. Но сквозь мутное окошко она хотя бы видела, что в соседнем вагоне тоже люди, так что она могла обойти его и отправиться в следующий.

Сделать это получилось на Йорк-стрит, на пересечении с Бруклин Хайтс: она выскочила, как только открылись двери, и бросилась бежать как можно быстрее в сторону нужного ей вагона. Здесь был обычный поток пассажиров, и она за ними успела. Проблема была в том, что ее туфли, идеально подходящие для собеседования на работу, вовсе не предназначались для таких забегов. Почти не держат ногу, совсем неустойчивы. Ничего не поделаешь, пришлось обходиться тем, что есть, это ей не впервой.

В этом вагоне все было в порядке, и в следующем тоже, и в вагоне после него. Поезд катился через Джей-стрит и Берген. Она начинала чувствовать себя более чем глупой: мечется, будто сумасшедшая, вооружена до зубов и охотится за созданием, которое может быть в любой точке метрополитена, тянущегося на сотни километров. У нее не было шансов догнать его – с чего она взяла, что он в этом поезде? – и даже если так, криво усмехнулась Коди, станет ли это удачей или несчастьем? И все же именно здесь он совершил свое последнее нападение, и лучшей зацепки у нее не было. Хотя почему она? Это не ее работа, не в ее характере: она ведь не коп и не герой. Просто упрямая.

Ее предплечье начало неметь. «Это приближение, – спросила она себя, – значит ли, что мы близко друг от друга?» На стене было написано «КЭРРОЛЛ-СТРИТ». Она снова выбежала из вагона, как только распахнулись двери, но поскользнулась на мокрой от дождя платформе и из-за сумок не смогла восстановить равновесие. Она с силой упала на одно колено, на мгновение все ее внимание устремилось в эпицентр боли. Услышав звук закрывающейся двери, она попыталась подняться, хриплым криком обращаясь к машинисту, чтобы тот подождал, но он не мог отклоняться от расписания, и двери закрылись прямо у нее перед носом.

– Черт, – бормотала она снова и снова, пока поезд грохотал все дальше от станции, – черт, черт, черт, черт, черт, черт, черт!

Она знала, что не остается ничего, кроме как подождать следующий. Коленка была в крови; осторожно попытавшись наступить на раненую ногу, она почувствовала огненную вспышку боли – и увидела жуткую дыру в и так уже порванных колготках, – но, распрямившись, она поняла, что сможет идти, ничего страшного. Спасибо небесам за небольшую услугу, подумала она. И затем вдохнула запах морского отлива на болотистом побережье.

Вот дерьмо, подумала она, реагируя немедленно, быстрее, чем она могла представить: она бросилась вниз, чтобы немного оторваться и суметь достать пистолет. Этого движения было как раз достаточно, чтобы спастись, – выстрел должен был задеть ее голову, сбить ее с ног и замутнить ее взгляд – но ее приземление было отнюдь не изящным. Она неуклюже упала на живот, растянувшись на скользком бетоне. Она отчаянно перекатилась на бок, пытаясь достать пистолет и выстрелить, но ее пули бездумно отскочили от потолка, а затем гигантское щупальце выбило пистолет у нее из рук, от отдачи выстрела она откатилась к платформе и упала на рельсы. Поднявшись, она услышала резкий грохот – это ее пистолет провалился на рельсы нижнего уровня, где проходила еще одна параллельная линия.

Она угодила в грязь, ее рот был полон мусора из океана – и жуткого зловония туза, такого густого, что она давилась каждым своим вдохом; она знала, что он охотится за ней, и

понимала, что будет дальше. Даже если она выживет, ее будущее станет таким жутким, что не стоит об этом думать. Поэтому она побежала.

Ей показалось, что после станции рельсы уходят вверх и недалеко отсюда что-то светится – возможно, выход на открытое пространство. Действительно, туннель выходил на поверхность. Дождь не сбавлял оборотов, и ее будто окатило холодным душем: капли падали с такой силой, что причиняли боль. Ветер тоже не ослабел, он дул со стороны залива, не давая ей выбраться наружу. Едва держась на ногах, она добралась до стены, ограждающей рельсы сбоку, попыталась перелезть через нее, но не смогла крепко зацепиться и завизжала, когда рукой коснулась колючей проволоки, натянутой поверху.

Грохот – вполне ощутимый, а не только слышимый – раздался в Манхэттенском туннеле, на линии F встречных рельсов. В голове у нее был сплошной туман, словно ее чем-то накачали; она не осознавала существования поезда, пока не стало слишком поздно, чтобы попытаться привлечь внимание машиниста. И хотя она махала, кричала, казалось, никто из пассажиров ее не замечал. Она шла вдоль рельсов, изгибающихся по линии виадука, и увидела тусклый свет станции посередине моста – следующая остановка на этой линии. «Не так уж далеко, – подумала она, – у меня получится, это легко». Она сняла оставшуюся туфлю и выбросила ее, стараясь не обращать внимания на боль от камней и других острых предметов, колющих ее ноги.

Сначала все было нормально, не хуже, чем утренняя пробежка вверх по горной тропе; она не тратила времени на то, чтобы обернуться – туз либо был там, либо его не было, так что лучше довериться тому мнению, что подтверждает другое. Дождь оказался на удивление сладким на вкус, несмотря на все свое первобытное неистовство, но именно это ощущение он в ней и зародил. Она не чувствовала, как он ранит ее кожу, словно ее обернули какой-то непроницаемой мембраной, а разум вдруг отделился от тела.

Дикий крик – яростный и напрасно протестующий, зверь внутри нее, попавшийся в нерушимую западню, – вырвался из нее одновременно с этой жуткой дрожью, заплывавшей под кожей; она не забыла это ощущение. Кожа теперь не была загорелой: серебристый оттенок сделался серым и маслянистым, руки («Это иллюзия, – молчаливо убеждала себя она, – Господи, пусть это будет всего лишь мое воображение») уже не были такими плотными, как раньше, – казалось, теперь они изгибались с отвратительным бескостным изяществом. Зубы едва умещались во рту, а каждая часть ее тела, казалось, вот-вот взорвется, кожа натянется, лопнет – слишком туго ею обернуты кости, которые превратились в острые лезвия. Каждый шаг давался с трудом. С ее ногами ничего не случилось, они лишь приобрели тот самый переливчатый оттенок, как и ее руки, но ей казалось, что они онемели. Суставы не сгибались, ни в коленях, ни в бедрах, и ей приходилось изворачиваться всем телом, чтобы сдвинуться с места. Она была почти на середине виадука, на высоте шестиэтажного дома, где вокруг ни одного здания, чтобы попробовать спрыгнуть на крышу – если она вообще могла бы на такое пойти. Ее единственной надеждой было добраться до станции.

Он поймал ее.

С небрежной грубостью существа, полностью уверенного в своих силах, он обвил своим щупальцем ее шею и, дернув, сбил ее с ног; от удара она едва могла дышать, едва могла пошевелиться. Всей своей тяжестью он повалился на нее, придавливая обе руки своими основными щупальцами, пока мелкие отростки зацепились за ее блузку, срывая пуговицы, разрывая ткань и стаскивая бюстгальтер. Между рельсами было широкое бетонное полотно, именно на него они и упали – их сразу же увидели бы со станции, но только не в такую бурю. Его пенис коснулся ее живота, когда он пытался поменять положение, высвободив одну руку, чтобы задрать ей юбку и стянуть трусики. Она ударила его изо всех сил, но лишь почувствовала боль в руке. Она попыталась дотянуться пальцами до его глаз, но туз уже был начеку – схватил ее руку и прижал к земле.

Среди резких яростных криков чей-то голос послышался в ее голове, он звал ее по имени.

– Тахион! – выкрикнула она, не зная, кричала ли она мысленно или вслух, а может, и то, и другое.

Где вы? Это были действительно его слова или игра ее воображения, протягивающая ей последнюю воображаемую тростинку, за которую можно зацепиться?

Уже поздно, был ее ответ. Она закипала изнутри, все ее тело бурлило, пузырилось, разъединялось. Он поймал ее, и трансформация уже приближалась к критической массе; она понимала, что всего через несколько минут все будет кончено.

Тогда помоги мне, сказал ей Тахион. *Открой свой разум, Коди, скажи – я могу все, я должен увидеть его!*

Войди, подумала она. Но ничего не произошло. Никакого ощущения проникновения или чужого присутствия.

Никаких образов, о которых она читала в тысячах книг и комиксов.

Но взгляд туза остекленел, а его тело замерло.

Я остановил его, Коди, сказал Тахион, *но я не знаю, как долго смогу удерживать его.*

Она высвободила руки из шупалец туза, подобрала ноги, отказываясь реагировать на протесты своего тела, заставляя его двигаться, и направила все силы на то, чтобы подняться. Он сдвинулся, слегка зашевелился – теперь ей не нужен был неистовый мысленный крик Тахиона, чтобы понять, что это значит, – он заревел, как тяжелоатлет перед последним выпадом: вытянул руки вперед, перенес весь свой вес на ноги и начал переступать с одной на другую. Он покачивался из стороны в сторону, будто Шалтай-Болтай, пытаясь восстановить равновесие своего тяжелого тела, пока наконец не остановился.

Ее ослепила вспышка света – от станции отъехал поезд, его головные фонари осветили рельсы, а затем последовала вспышка еще ярче, с искрами и пламенем и криком агонии, когда его конечность попала на контактный рельс. Туз подскочил и заревел, когда его тело дернулось в конвульсиях – через него прошел разряд электричества. Коди испугалась, что он может вырваться и каким-то образом сбежать. Но она не приняла в расчет поезд. Машинист затормозил, как только увидел их, но наклон был крутой, и поезд катился по инерции, рельсы стали скользкими от дождя, и даже остановившись под визг тормозов, головной вагон все равно превратил существо в кровавое месиво.

Поездная бригада бросилась ей на помощь, и она услышала вой полицейских сирен, стекающих со всех сторон к мосту. Вскоре виадук был полон людей в голубых дождевиках, платформа вдалеке освещалась мини-камерами приехавших с телевидения операторов. Она не сдвинулась с места, у нее не было на это сил, она просто лежала на боку, слегка вытянувшись, и глядела на дымящиеся останки, не обращая внимания на возмущенные, шокированные и зачарованные взгляды пассажиров.

Теперь она чувствовала его присутствие в разуме: мысли Тахиона смешивались с ее собственными, пока он тяжело ступал вверх по лестнице от Смит-стрит, вдалеке отсюда. Он нарисовал мысленную картину из тех мест, которые она больше всего любила, и был так учтив, что не выказал свою реакцию, когда этим местом оказалась военная база Шайло в горах центрального Вьетнама. Ее внешность была такой же, как в объективной реальности – никакой идеализации своего мысленного образа, – но в ней чувствовались уверенные силы, от чего она ощущала себя скалой, к которой любой может прийти и обрести защиту. Тахион позволил себе раствориться в этом ментальном пейзаже, с явным недовольством бормоча об отсутствии какого-либо вкуса во внешнем облике военных (комбинация цветов на форме была отвратительной), и затем медленно, спокойно начал возвращаться из мысленных образов Коди назад к реальному миру. Так что к тому времени, когда он незаметно покинул ее,

она уже пережила весь шок ситуации, сконцентрировавшийся в разуме, а не в теле, которое, оказавшись далеко за границами своих возможностей, тут же ослабло.

Она проснулась в комнате на верхнем этаже «Блэйз» – судя по виду из окна – и первым делом насладились той простой мыслью, что она – человек. Она вытянула пальцы, наблюдая, как утренние лучи освещают ее руки, и порадовалась, что кожа блестела лишь от настоящего, человеческого пота.

– Как спалось? – спросил Тахион, сидевший на стуле возле стены и с легким стоном потянувшийся, чтобы размять спину.

В ответ она улыбнулась и удивилась, как легко ей это удалось. Она не думала, что в ней что-то такое осталось, и была поражена тому, какой глубокий след оставило в ней напряжение последних месяцев. Как прекрасно было от него освободиться.

Она начала обдумывать вопрос, но он ответил прежде, чем ее мысли сформировались в целое.

– Да, я пробыл здесь всю ночь.

Она задумалась, стоит ли ей злиться, ведь мысленная связь тоже оставила свой след – двойственность существования, которая может испортить жизнь им обоим, но она решила, что это бессмысленно.

Что было, то прошло; важно было справиться с этим и двигаться дальше.

– Интересный подход, – согласился Тахион, засмеявшись, когда она удивленно вздохнула. – Вообще-то все не так плохо, как вы думаете. Я наблюдал за вами, пока вы спали.

Она не могла не усмехнуться, представив его в роли караульного, марширующего взад-вперед у ворот ее сознания. Она вообразила это достаточно ярко, чтобы и с его губ сорвался легкий смешок.

– Я хотел убедиться, – продолжил он, – что встреча со Сладжем не принесла вам вреда.

– Как вы узнали его имя?

– Любой мысленный контакт подразумевает определенную связь. Я обязательно что-то узнаю. В случае Сладжа, – он пожал плечами, выражая отвращение и презрение, – мысли были довольно простыми, связанными с его желанием. Как ни крути, умным бы я его не назвал. Скорее, хитрым. Имя «Сладж» он выбрал себе сам.

– Он был тузом?

– Вскрытие подтвердило данные анализа крови: тело в морге принадлежало натуралу. Насколько мы можем судить, он бродил по метро и другим туннелям под городом уже долгое время, в основном охотясь на бродяг и беглецов – в общем, на деклассированных элементов, которых никто не стал бы искать. И никто из нас не подозревал...

– Сколько их?

– Жертв? – Выглянув в окно, он засопел, но она знала, что он копается в памяти туза. – Невозможно определить. Когнитивные способности Сладжа были ограничены. Но, подозреваю, жертв было немало.

– Он всех их убил.

– Он съел их.

Долгое время они оба молчали. Вдалеке Коди услышала, как передают сообщение по системе больницы громкой связи. Стиснув зубы в ожидании боли или слабости, она поднялась на ноги. Из ее левой руки торчала трубочка капельницы; она отсоединила ее и вытащила иглу, а затем осторожно, за пять-шесть шагов, дошла до Тахиона. Он показался ей таким маленьким, хотя она по-прежнему представляла его сильным и неунывающим. Она оперлась на него, обхватив рукой его за плечи и сопротивляясь желанию упереться подбородком в его макушку. Своей здоровой рукой он взял ее за запястье и опустил подбородок ей

на руку. Ей не нужно было видеть его глаза, чтобы ощутить их серьезный, обеспокоенный взгляд. Таким часто бывал и ее взгляд, когда она теряла пациента, которого надеялась спасти.

– Новый смысл, – сказал он, позволив своим словам легкую горечь, – старого выражения «любовь убивает».

– Не говорю уже о том, – не могла не ответить Коди, – что ты – то, что ты ешь.

Он засмеялся непринужденным хохотом, который удивил их обоих, а потом снова стал серьезным.

– Почему вы так быстро сбежали?

– Импульсивная баба, это про меня. Я так понимаю, вы получили мое сообщение.

– Брэд Финн сам пришел в администрацию. Видимо, мне просто вас не хватало. Капитан Эллис отправил патрульные машины по всему Джокертауну, чтобы найти вас. Мы узнали, что на Кэрролл-стрит слышали стрельбу...

– ...и потом я поняла, что вы меня зовете.

– Спасибо, что услышали. – Он повернулся к ней лицом. – Вы не понимаете. В городе такого размера телепату приходится поддерживать серьезные барьеры, просто чтобы не сойти с ума от всего мысленного «шума». Мне нужно подготовиться, чтобы «услышать» человека, такое почти невозможно после единственной, случайной встречи.

– Может, она не была такой уж случайной.

– Видимо, нет.

– Тахион, какова бы ни была причина этого, я вам благодарна.

– Со временем – достаточно скоро, я думаю, – мы перестанем резонировать на схожих частотах. Я все еще буду очень восприимчив, но прочитать ваши мысли без серьезных усилий уже не получится.

– На каком расстоянии?

– Если честно, не имею представления. Подобного раньше у меня ни с кем не случилось. Простите.

– Простить? За то, что спасли мне жизнь?

– Я создал этого монстра. Все эти несчастные женщины, которых убил Сладж, – их смерть на моей совести.

– Добро пожаловать в наш клуб.

– Вы не понимаете.

– Я хирург. Я три года была военным врачом. Я понимаю. Так что?

– Это моя ответственность.

– Хорошо. – Она специально взяла его за изувеченную правую руку. – *Будьте* ответственны. Вы не можете изменить прошлое, так же как я не могу вернуть потерянных пациентов – или тех людей, которых я на самом деле убила. Да, – она кивнула, – мои руки тоже в крови, это была война, мы защищали свои земли. И если существует загробная жизнь, я еще за это поплачусь. Какая разница? Все кончено. Но я хотя бы с этим смирилась. Вытащила этот скелет из своего шкафа, хотя раньше вообще не признавала его существования, а теперь я достала его вместе с остальными кошмарами, и я могу рассмотреть их, увидеть их такими, как есть, – и себя такую, какая я есть. Это не значит, что я не чувствую боли: она еще долго не уйдет. Но все это *здесь*. Я могу с этим справиться. Попробуйте сами, это вас удивит.

– Ты нужна другим, Коди, – бесхитростно сказал он.

– Я врач, Тахион, а не костыль.

Он слегка приподнял свою изуродованную руку на перевязи, потом опустил, его плечи ссутулились.

– Значит, вы уходите, – сказал он.

– Придется найти кого-то, чтобы присматривать за ранчо. Я знаю пару ребят в Колорадо, ветеринаров, они мне помогут. Я им позвоню, прежде чем вывалю все новости Крису,

соберу вещи и найду здесь неплохое местечко. – Он изумленно смотрел на нее, не совсем уверенный, что правильно все расслышал. – Если, конечно, – нарочитую серьезность в ее голосе исказила кривоватая улыбка, – мы сможем договориться о зарплате.

Тахион вежливо кашлянул.

– Ну, что ж, уверен, мы что-нибудь придумаем, – рискнул он.

– Не будем требовать слишком многого, договорились? – сказала она, расплываясь в улыбке.

Она протянула ему руку.

И Тахион, с такой же широкой улыбкой, потянулся к ее ладони.

Уолтон Саймонс

Никто не знает меня, как моя малышка

С левой стороны стол Тахиона был завален схемами и бумагами. С правой был практически пуст. Джерри изо всех сил старался не смотреть на его руку с протезом, но его темная сторона требовала взглянуть хоть одним глазком. Тахион не заметил его взгляда. Пластик был явно слишком плотным для прищельца, а цвет кожи – на один или два тона светлее.

– Как проходит твоя адаптация, Джереми? – Тахион посмотрел на Джерри, а затем выглянул в окно, откуда открывался вид на Джокертаун.

– Хорошо. В смысле, бывают проблемы то тут, то там. – Джерри улыбнулся. Тахион выглядел даже более уставшим, чем обычно. Его и так бледная кожа стала еще блее, а рыжие волосы казались тусклыми и неухоженными, по крайней мере для Тахиона.

– Уверен? Ты выглядишь слегка... замкнутым.

Во время беседы с Тахионом Джерри всегда чувствовал себя прозрачным, как кожа Крисалис. Но Крисалис была мертва. Как и притворная вера Джерри в то, что жизнь прекрасна.

– Ну, знаешь, мне просто иногда кажется, что я не умею общаться с женщинами. В их присутствии я чувствую себя неполноценным. Даже хуже, чувствую себя нуждающимся. Я бы отдал... – Джерри вовремя осекся. – Я просто хочу, чтобы меня принимали таким, какой я есть, и любили за это.

Тахион медленно кивнул.

– Все мы этого хотим, Джереми. Я считаю, что тебя на самом деле очень сильно любят. Возможно, ты просто не знаешь об этом. Попробуй умерить свой пыл знанием о том, что любовь обычно приходит, когда мы устаем ее искать. Что касается отчужденности в отношениях с противоположным полом, все мы сталкиваемся с этим. Я, кажется, стал настоящим специалистом по этому вопросу. Правда, я с Такиса, и это уже достаточное оправдание.

Не это Джерри хотел услышать. Ему надоело пытаться умерить свой пыл. Но он и не ожидал, что Тахион начнет копаться в своей записной книжке. Хотя никакая женщина не смогла бы отвлечь его от мыслей о Веронике.

– Кажется, неплохой совет. Правда, легче сказать, чем сделать.

Под окном с воем пронеслись сирены. Джерри заметил отражение красных огней на здании напротив. Тахион тоже туда посмотрел. Джерри никогда не видел, чтобы это окно было закрыто жалюзи, хотя из него виднелись лишь старые здания, мусор, пара машин и джокеры. Джерри приезжал в Джокертаун только раз в месяц, чтобы посетить клинику.

– Кое-что еще, – сказал Джерри, снова пытаясь привлечь внимание Тахиона. – Моя сила возвращается.

Тахион внимательно посмотрел на него.

– Она и не пропадала, Джереми. Ты был так серьезно травмирован, что перестал в нее верить. Вероятно, сейчас вера в способность менять облик снова возвращается и проявляет себя. Если ты рад, то и я рад за тебя. Учитывая нынешнюю политическую ситуацию, я бы посоветовал тебе не распространяться об этом. Общество считает, что твой туз ушел. Поддерживать это мнение в твоих интересах, поверь мне.

– Верно. – Джерри понимал, что Тахион уже готов попрощаться с ним. Он засунул руку в карман пальто и вытащил чек, затем аккуратно положил его слева на стол. – Вот взнос за сентябрь.

Тахион взял сложенный пополам чек и неуклюже развернул его здоровой рукой. Он кивнул и улыбнулся.

– Это приносит больше добра, чем ты думаешь, Джереми. Еще с десяток таких, как ты, и клиника сможет покрыть все свои расходы.

– Я рад помочь с этим, – сказал Джерри. Это было правдой. Не везде его деньги шли на пользу, а две тысячи в месяц были всего лишь каплей в семейном бюджете Штрауссов.

Дверь открылась, и в кабинет вошла женщина в белом халате. У нее были темные волосы и повязка на одном глазу. Не обращая внимания на Джерри, она посмотрела прямо на Тахиона.

– Еще два избиения, – сообщила она. Ее голос звучал сдержанно, но яростно. – Один из них может выкарабкаться. Другой... – Она потерла лоб рукой. Джерри отошел и двинулся мимо нее к двери. Тахион жестом показал ему, чтобы он подождал.

– Джереми, это наш новый главный хирург, доктор Коди Хаверо. Доктор, это друг нашей клиники. – Он показал ей чек. – И к тому же покровитель, Джереми Штраусс.

Коди повернулась и взглянула на него. Для такого специалиста она была очень симпатичной. Коди протянула ему руку и натянуто улыбнулась. Джерри пожал ее и улыбнулся в ответ. Ее рукопожатие было сильным и уверенным. Именно таким, думал он, оно и должно быть у врача.

– Приятно познакомиться, мистер Штраусс.

– И мне, доктор. – Джерри был рад, что обратился к ней именно так. Она казалась одновременно пугающей и успокаивающей, а еще определенно привлекательной внешне, несмотря на глазную повязку.

Он уж точно не желал произвести на нее впечатление богатого придурка с сексистскими замашками.

– Увидимся через месяц, Джереми, – сказал Тахион. – Если только я вдруг не понадобится тебе раньше. Если что, просто позвони.

– Ты ведь будешь в «Козырных Тузах» на следующей неделе? Я впервые смогу отправиться на один из ужинов Дня Дикой Карты Хирама.

Тахион вздохнул.

– Да, я пойду туда ради Хирама. Хотя не могу считать это радостным событием. – Джерри кивнул и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. Он почувствовал, что Тахион хочет остаться с Коди наедине. Джерри не винил его за это. Он представил Веронику на черных шелковых простынях: на ней только глазная повязка и ничего больше.

«Прекрати, – подумал он. – Она уже дважды отказала тебе за последние три раза. Просто найди кого-нибудь другого. Кого-то, кому не придется платить. Разве это так сложно?» – «Не сложнее, чем мне, малыш», – проговорил голос Богарта в его голове.

В «Козырных Тузах» накрыли настоящий шведский стол из образов и звуков. Ароматы свежего хлеба, сочного мяса в винном соусе и дорогого парфюма штурмовали его обоняние. Посетители тоже были необычными людьми. Но так всегда и бывало на ужине в честь Дня Дикой Карты у Хирама. Они приехали рано. Они с Бет оба хотели увидеть приезд всех выдающихся личностей. Кеннет был не слишком рад, что Бет проведет вечер с Джерри, но сам поехать с ними отказался, сказав, что у него слишком много дел в офисе.

Джерри встал.

– Хочешь каких-нибудь закусок?

Бет вздохнула.

– Нет, я подожду главного блюда, – отказалась она.

Джерри не спеша побрел к основному столу, который ломился от салатов, паштетов, выпечки и некоторых предметов, которые он даже не принял за еду. На столе находилась хрустальная фигура, изображающая Четырех Тузов и Тахиона. Стены были покрыты голограммами наиболее знаменитых тузов. Джерри знал, что свое изображение среди них искать не стоит. Он взял тарелку и протиснулся к столу рядом с Фантазией, которую сопровождали

двое молодых людей. Джерри встречал ее в мировом турне «*Stacked Deck*». И хотя тот период своей жизни он помнил смутно, он знал, что Фантазия – одна из наиболее нарочито сексуальных женщин среди тех, кого он видел. Сегодня на ней была длинная юбка жемчужного цвета и полупрозрачный топ такого же оттенка. Все, что видел Джерри, когда смотрел в ее сторону, – это ее маленькая грудь с темными сосками. Он надеялся, что Бет не заметила, как он пялится на эту эффектную женщину-туза. Джерри наложил себе салат с пастой и повернулся, чтобы дотянуться до пирога со шпинатом.

Рядом с ним оказался темноволосый мужчина с живым взглядом и непринужденной улыбкой.

– Настоящие мужчины не едят пироги. По крайней мере те, что хотят впечатлить Фантазию.

Джерри вернул ложку в пирог и посмотрел вдоль стола на остальные угощения.

– Ну, наверное, спасибо.

Мужчина опустил на стол свою тарелку, на которой было наложено всего по чуть-чуть, и протянул ему руку.

– Джей Экройд.

Джерри пожал ее.

– Джерри Штраусс. – Судя по его виду, Экройд не мог вспомнить, знакомо ли ему это имя. – Раньше я был киномехаником, потом превратился в гигантскую обезьяну, а теперь стал просто богатым парнем.

Экройд усмехнулся.

– Богатых немало в этом городе. – Он засунул руку в карман и достал визитку. – Если вам когда-нибудь понадобится частный следователь, дайте мне знать. Богатые клиенты мне не помешают – для разнообразия. Удачи с Фантазией, если наберетесь храбрости. Сам бы я, наверное, побоялся к ней подойти.

Джерри взял его визитку и сунул в карман смокинга. В комнате вдруг стало тихо. Медленно, слегка прихрамывая, вошел мужчина. Он выглядел вполне нормальным, но Джерри услышал, как кто-то прошептал «джокер», а затем кратко – «Преториус». Гул возобновившейся беседы был слегка враждебным. Джерри воспользовался моментом, чтобы наполнить тарелку, затем проскользнул к своему столу, где Бет по-прежнему изучала меню.

Джерри пока не видел Хирама, но это и неудивительно. Убив Крисалис, хозяйку Джокертауна, он обеспечил себе постоянное упоминание в новостях. Сообщество джокеров сразу же выступило против Хирама. Средства массовой информации тоже не были к нему добры. Атмосфера была отвратительной, а ведь суд еще не начался. И все же вряд ли ужин в честь Дня Дикой Карты окажется хуже, чем встреча двухлетней давности, когда Астроном испортил всю вечеринку. Джерри был действительно рад, что тогда не пришел.

Прохладный порывистый бриз подул со стороны террасы. Джерри тоже открыл меню. Быть богатым и отмеченным дикой картой – в этом есть определенное преимущество.

– Я думаю взять филе миньон. А ты что будешь?

Прикусив губу, Бет подняла взгляд. На ней была черная юбка чуть ниже колена и фиолетовая блузка.

– Как вижу, нагляделся на Мисс Сиськи, и сразу захотелось красного мяса.

– Боже, от тебя ничего не укроется! Будь ты парнем, то тоже глядела бы!

Бет улыбнулась.

– Я женщина и все равно посмотрела. Наверное, просто завидую. Вот бы мне такое тело и смелость, чтобы носить такие наряды. – Она отложила меню. – Думаю пропустить главное блюдо и сразу заказать фруктовый салат. Боязнь целлюлита – страшная вещь. Он атакует и более стройных женщин, поверь мне.

– Но тебе все же надо съесть десерт.

– Ну, если ты настаиваешь. Только не рассказывай Кеннету. Он все еще надеется, что я похудею до размера, который носила в школе.

– Ты потрясающе выглядишь. – Джерри собирался продолжить свой комплимент, но заметил, как в паре столов от них присаживается пара. Мужчина был высоким и худощавым, с темными волосами. Его глаза светились, и казалось, что он просто плывет. На его спутнице было платье из красного шелка, настолько облегающее, что казалось просто нарисованным на теле. Она была божественна. Вероника. Джерри подвинул свой стул, чтобы не смотреть в их сторону. Вероятно, дело не в том, что Вероника не хотела трахаться. Она просто не хотела трахаться с ним.

– Все в порядке? – Бет коснулась его руки.

– Ага. Я просто кое о чем думал. Ну, что мне надо что-то делать со своей жизнью.

– Понятно, – сказала она.

Он знал, что ее этим не обманешь, но был благодарен за то, что она не подала виду.

Церемонии проводили в честь Тахиона. Джерри удивился, что рядом с ним была не Коди, а другая женщина. Может, это просто деловые отношения. Некоторые столики еще пустовали.

Насколько Джерри было известно, такое впервые случалось на ужине в честь Дня Дикой Карты. Сразу после приезда Тахиона появился Хирам. На нем был прекрасно подогбанный темно-синий костюм, но когда Джерри видел его в туре, он был не таким худым.

Хирам поднял бокал и на мгновение замер, ожидая, когда гости поднимут свои.

– За Джетбоя, – сказал он.

– За Джетбоя, – вторили Джерри и Бет вместе со всеми остальными. Они чокнулись и выпили.

Джерри услышал, как смеется Вероника. Видимо, она делала это, только чтобы досадить ему. Нет. Скорее, она была так занята мыслями о том, как будет сосать член своего кавалера, что даже его не заметила.

– Спасибо, что вы все пришли, – продолжил Хирам. – Надеюсь, что вы все насладитесь прекрасным ужином в этот особый для нас день. Пусть наступающий год будет добрым для всех нас.

Раздались редкие аплодисменты. Хирам подошел к столику Тахиона, пожал здоровую руку инопланетянина и затем отправился на кухню.

– Разве он обычно не взмывает вверх к потолку или что-то в этом роде? – спросила Бет.

– Ага. Может, он просто не считает это уместным. Мне кажется, Хирама слегка волнует мнение людей о нем, – сказал Джерри. – Вся эта ситуация с Крисалис, наверное, для него настоящий кошмар.

– Ей пришлось хуже, братишка. Ведь это ее превратили в паштет.

Джерри начал что-то говорить, но Бет оборвала его:

– Нет. Тебе необязательно это говорить. Мне и так от этого не по себе. Он кажется очень приятным человеком. Но знаешь, тузы не всегда такие уж хорошие парни.

– Знаю.

– Выборы выиграет Буш, и если ты думаешь, что сейчас дела с дикими картами идут туго, просто немного подожди. Вся роскошь дикой карты рассыплется прежде, чем закончится его срок.

– Может оказаться и хуже, чем в пятидесятые.

Бет потянулась к нему и погладила по щеке.

– Я не хочу, чтобы тебе причинили боль, учитывая твоё прошлое.

Джерри улыбнулся. Он сам волновался, когда она тревожилась о нем. Если бы только Вероника так же о нем заботилась.

– Спасибо. Со мной все будет в порядке.

Подошел их официант.

– Что будете заказывать, мадам?

– Пожалуй, возьму фруктовый салат, – ответила Бет.

Он пообещал самому себе, что не будет думать о Веронике. Три ночи спустя после вечеринки он сидел дома. Кеннет и Бет обсуждали, к чему приведет президентство Буша. Дукакис²² помиловал Уилли Хортон, джокера, которого обвиняли в изнасиловании, и это, по-видимому, стало последней каплей. Баннеры с джокерами-убийцами, высыпавшими на улицы, – мастерский ход. Демократы негодовали, но реклама произвела на публику желаемый эффект. Для Джерри все это было слишком тяжело. Он позвонил Ичико, и Вероника была свободна.

Джерри не был уверен в том, что она его узнала. Он подумал принять облик мужчины-модели, но в итоге выбрал более грубое лицо. Темные прямые волосы – их он тоже теперь мог выбрать. Вероника выглядела почти так же. Ее хлопковое белое платье открывало взгляду как раз достаточно, чтобы заинтересовать мужчину, но не слишком много. Джерри уже видел ее обнаженной, но одних воспоминаний ему не хватало. Не сегодня. Сегодня он хотел быть внутри ее.

Вероятно, пригласить ее в кино было ошибкой. Если что и могло намекнуть ей, кто он такой на самом деле, это было как раз оно. И все же он хотел посмотреть «Джокер-маму» Демми²³ на большом экране. Кассеты ему уже надоели.

– Мне тебя порекомендовал один друг, – сказал Джерри. – Ты была с ним на ужине в честь Дня Дикой Карты. Говорит, ты потрясающая.

– Ты знаешь Кройда?

– Немного, – ответил Джерри. Кройд – это, должно быть, Кройд Кренсон, Спящий. Джерри кое-что о нем слышал, в основном плохое. Видимо, Вероника не искала хороших парней.

На экране группа джокеров в человеческих масках совершала заранее продуманное ограбление банка, но в дело вмешалась пара других грабителей – в масках утки и мыши.

Джерри обнял Веронику и погладил ее по плечу. Она вздрогнула. Через какое-то время она потянулась в его сторону и стала гладить его по руке.

«Она знает, что это я, – подумал он. – Возможно, она это еще не осознала, но ее тело знает, что это я». Он почувствовал озноб, какое-то странное ощущение внутри.

– Извини, – сказал он, наклоняясь ближе. Ее парфюм сегодня явно отличался от тех дорогих французских духов, которые он ей покупал. – Мне не очень хорошо. Я бы хотел отвезти тебя домой.

Вероника удивленно на него посмотрела. Джерри сунул ей двести долларов. Ее рука была холодной.

– Это за твое время, – сказал он голосом, слишком похожим на его собственный. – Мне жаль.

Он взял ее за руку и вывел из кинотеатра. На экране позади раздавались выстрелы. В холле пахло пережаренным попкорном и несвежими конфетами. Извинившись, он отлучился в туалет, где его стошнило – он старался, чтобы никто этого не услышал.

Когда он вернулся, она уже ушла.

²² Майкл Стэнли Дукакис (р. 1933 г.) – политический деятель, в прошлом губернатор штата Массачусетс. На президентских выборах 1988 года проиграл Дж. Бушу.

²³ Джонатан Демми (р. 1944 г.) – американский режиссер («Молчание ягнят»), упоминаемый в тексте фильм за его авторством – вымышленный.

Льюис Шайнер Жеребцы

У женщины, сидевшей по другую сторону стола, была короткая стрижка. Она носила очки в тонкой оправе. Ей было около сорока. Никакого макияжа, поверх белой футболки – мужская спортивная куртка серого цвета, мешковатые брюки. Лесбиянка – было первое впечатление Вероники, и пока ее мнение ничуть не изменилось.

– На данный момент ситуация слегка вышла из-под контроля, – сказала Вероника. – Я в этом не виновата. Мне нужно немного времени.

Женщину звали Ханна Джорд. Вздохнув, она ответила:

– Мне уже надоело слышать все это дерьмо. – Она положила очки на стол и потерла глаза. – Ты наркоманка, Вероника. Я бы поняла это сразу, даже если бы Ичико мне не сказала. У тебя все симптомы налицо, как в учебнике. – Она снова надела очки. – Я внесу тебя в программу. На метадон. Тебе станет лучше, ты выживешь, но по-прежнему будешь зависимой. Только от метадона, а не от героина.

Вероника сказала:

– Я не могу перестать...

– Прошу, – перебила Ханна. – Не надо этого говорить. Не заставляй меня слушать. Я просто скажу тебе кое-что, и я хочу, чтобы *ты* об этом подумала. Пока мы можем начать только с этого.

– Хорошо, – ответила Вероника. Она засунула трясущиеся руки под бедра, присев на них.

– Ты наркоманка, потому что не хочешь справляться с тем, что происходит внутри тебя. Ты не просто убиваешь себя, ты уже мертва. – На мгновение ее слова повисли в воздухе, и затем она продолжила: – Кем ты работаешь у Ичико?

– Я... – Она остановилась, прежде чем произнесла слово «гейша», которое использовал Фортунато. – Я проститутка. – Ханна вдруг улыбнулась. Она могла бы выглядеть симпатичной, подумала Вероника, если приложила бы хоть немного усилий. Хорошая одежда, макияж. Парик поверх этой жуткой стрижки. Какая жалость.

– Отлично, – сказала Ханна. – Правдивый ответ, хотя бы в этот раз. Спасибо тебе за это. – Она заполнила что-то в листочке и протянула Веронике. – Начинай принимать метадон, увидимся завтра.

На Седьмой авеню мимо нее проехал грузовичок с динамиками на крыше: передавал сообщение о том, что сегодня День выборов, и она должна воспользоваться своим конституционным правом. Вряд ли эту рекламу оплачивали демократы. После их провала в Атланте теперь все ожидали, что победа достанется Бушу.

Из грузовичка высунулся мужчина и спросил ее:

– Эй, детка, ты сегодня проголосовала?

Она показала ему маникюр на среднем пальце правой руки. Это относилось и к американской политической системе тоже. Что это за свобода, если голосовать можно только за политиков?

Она встала в очередь у медпункта, где выдавали метадон, и поплотнее запахла пальто. Здесь ей было и холодно, и неловко. Она не знала, что хуже – находиться в окружении стольких наркоманов или же быть принятой за одну из них. В основном в очереди стояли черные женщины и белые парни с длинными засаленными волосами.

По крайней мере, думала Вероника, она все еще на улице. Ичико предоставила ей три варианта на выбор: пройти курс лечения, увидеться с Ханной или найти другую работу.

Подошла ее очередь, и женщина в окошке протянула ей пластиковый стаканчик. Метадон был растворен в сладком апельсиновом напитке. Вероника выпила его и смяла стаканчик. Черная проститутка, стоявшая сразу за ней, пошатываясь подошла к окошку на невероятно высоких каблуках и сказала:

– Боже, дорогуша, дай мне уже эту фигню.

Вероника бросила стаканчик на тротуар и посмотрела на часы. Времени до встречи еще много, можно успеть и в «Бергдорф».

Она должна была догадаться по имени, на которое он забронировал столик: Герман Грегг. Но она поняла, только когда подошла к столику.

– Вот дерьмо, – сказала Вероника. Приглушенного света в ресторане даже ей было достаточно, чтобы узнать это лицо. – Сенатор Хартманн, – произнесла она.

Он нерешительно улыбнулся.

– Уже не сенатор. Теперь я снова простой горожанин. Но можно понять, почему сегодня мне не хочется быть в одиночестве. Ты ведь знаешь, что говорят о политиках и случайных знакомых.

– Нет, – ответила Вероника. – Что о них говорят?

Хартманн пожал плечами и опустил меню.

– Сильно проголодалась?

– Какая разница? Если хочешь сразу подняться наверх, я не против. – Он уже говорил ей, что снял номер в «Хайатт». – Необязательно платить за ужин, будто это настоящее свидание и все такое.

– Да уж, я ожидал чего-то другого. Я так много слышал о Фортунато и его великолепных женщинах.

– Ну да, но Фортунато уехал. Ситуация немного вышла из-под контроля. Если тебя что-то не устраивает, то и не надо.

– Я не жалуюсь. Кажется, ты более человечна, чем я предполагал. Мне это по душе.

Вероника поднялась.

– Пойдем?

В лифте он молчал, не прикасался к ней, ничего такого. Когда они вышли, лишь взял ее за локоть, чтобы подвести к номеру. Зайдя в комнату, он запер дверь и включил телевизор.

– Разве нам это нужно? – спросила Вероника.

– Мне надо знать, – ответил Хартманн. Он снял пиджак и повесил его на стул, разулся, аккуратно поставил обувь. Он ослабил галстук и присел на край кровати; усталость виднелась даже в его позе. – Мне надо знать, насколько все плохо.

Когда Вероника вышла из ванной в одном белье, он по-прежнему сидел, не двигаясь. Буш опережал Дукакиса и Джексона: у него было почти в два раза больше голосов. С минуты на минуту ожидалось заявления о признании поражения. Она помогла Хартманну снять остальную одежду и надеть презерватив, а затем залезла вместе с ним под одеяло.

Ему не хотелось ничего особенного, он сразу приступил к делу. Он раскачивался над ней, а из телевизора постоянно неслись новые результаты выборов: «В Техасе Буш набрал пятьдесят семь процентов голосов, и это результат лишь по тридцати семи процентам избирательных округов». Довольно скоро Хартманн содрогнулся в судороге, от которой его глаза наполнились слезами. Вероника погладила его по вспотевшей спине и успокоила. Как раз когда он перекатился на спину, один из журналистов назвал его имя, и Хартманн виновато поднялся.

– Многие из нас сегодня задаются одним и тем же вопросом, – продолжал репортер. – Смог бы Грегг Хартманн победить вице-президента Буша? Всего лишь два с половиной месяца назад Хартманн выбыл из президентской гонки, потеряв самообладание на Национальном съезде демократов в Атланте. Этот съезд запомнят надолго не только как кровопро-

литный, но и как решающий – в изменении отношения нашего народа к жертвам вируса дикой карты.

Она отнесла использованный презерватив в ванную, завязала его, обмотала туалетной бумагой и выбросила. От запаха спермы ее чуть не стошнило. Она присела на край ванной, умылась, почистила зубы, снова и снова, пытаясь убедить себя, что доза пока не нужна, еще рано.

Хартманн выключил телевизор уже после двух часов. Он сказал ей, что Буш просто смешон. Его кампания против наркотиков была полнейшим лицемерием, учитывая, что его цэрэушники натворили в Центральной Америке. Его министры никогда не достигнут требуемого им уровня этики, а в его «более доброй, более великодушной» Америке никогда не будет места для тузов и джокеров.

Проблема дикой карты не особо волновала Веронику. Фортунато – человек, который привел ее на улицу, – был тузом. Ее мать была одной из гейш Фортунато и хотела, чтобы Вероника поступила в колледж и сделала хорошую карьеру. Но у Вероники все вышло по-другому. Это был легкий заработок, да и ей проще было считать себя шлюхой. Миранда и Фортунато вместе решили, что если она собирается торговать своим телом, то должна хотя бы делать это правильно. Фортунато привел ее к себе домой и попытался – unsuccessfully – сделать из нее одну из своих идеальных женщин. Она любила его так, как любят что-то приятное и что-то не совсем от мира сего.

Из-за Фортунато она встречалась и занималась сексом с другими тузами и джокерами. Никто из них тоже не казался ей реальным. Их было не так уж много по сравнению с матерями-одиночками, бездомными и стариками, не настолько, чтобы получать не меньшее внимание. И это не болезнь, которая может передаться другому, как СПИД. От этой мысли у нее по телу пробежала дрожь. Какое-то время дикая карта *была* заразной, и ее тогдашний парень Кройд Кренсон разносил ее. Находиться рядом с ним было опасно, но, к счастью, с ней ничего не случилось. Она не хотела об этом думать.

Наконец Хартманн заснул, его мягкий живот поднимался в такт приглушенному храпу. Вероника не спала, пересчитывая все те многие вещи, о которых ей не хотелось думать. Она не уснула даже тогда, когда вернулась к Ичико, ближе к рассвету. Теперь она ворочалась из-за того, что ей предстояло увидеться с Ханной: из живота по всему ее телу разливался холод.

Около полудня она проснулась и сделала себе завтрак, который не могла съесть. Ичико проводила ее до такси, сама бы она не дошла. Уже в пути она пыталась попросить водителя остановиться, выпустить ее, но будто потеряла дар речи. Словно опять оказалась в католической школе, и ее посылают к директору, самой старой и самой страшной монашке во всем мире.

Она поднялась по лестнице и вошла в кабинет Ханны. Ног она не чувствовала. Она села посередине широкого серого дивана. Сегодня Ханна была в джинсах, мужской белой рубашке и кардигане, в котором поблескивали золотистые нити. Вероника не могла отвести взгляд от золотых переливов.

– У тебя было время подумать? – спросила ее Ханна.

Вероника пожала плечами.

– Я была занята. Не очень много времени трачу на размышления.

– Ладно, начнем с этого. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Сама того не осознавая, Вероника начала рассказывать про Хартманна. Ханна спрашивала ее о деталях. Как он выглядел без одежды? Каким именно был привкус во рту после этого? Казалось, будто ей просто любопытно. Каково ей было, когда его пенис был внутри ее?

– Не знаю, – ответила Вероника. – Ничего особенного не чувствовала.

– В смысле? Он был внутри тебя, а ты этого не чувствовала? Тебе пришлось спрашивать, вошел ли он уже?

Вероника засмеялась, а потом заплакала. Она не поняла, как это произошло. Будто она – это кто-то другой.

– Я не хотела, чтобы он был там, – сказала она. Кто это говорил? – Я не хотела, чтобы он был во мне. Мне хотелось, чтобы он оставил меня в покое. – Все ее тело трясло от всхлипываний. – Это просто нелепо, – сказала она. – Почему я плачу? Что со мной?

Ханна придвинулась к ней поближе и обняла ее. От нее пахло мылом «Дайал». Вероника зарылась лицом в золотистые нити ее свитера, чувствуя мягкость ее груди. Она дала волю слезам и плакала, пока их уже не осталось, пока не почувствовала себя выжатой губкой.

Стоя в очереди, Вероника нервно притопывала ногой. Один из длинноволосых парней позади нее тихим монотонным голосом напевал песню о стрельбе. «Ты же знаешь, я не смог найти свой наркотик», – пел он, кажется, сам того не осознавая.

Веронике нужен был метадон, очень нужен. «И что они только в него добавляют?» – подумала она и остановилась, прежде чем смех снова перешел в кое-что другое.

Она достала из сумки сложенный листок бумаги, на котором был написан номер Ханны.

Вероника зашла внутрь вместе с порывом холодного воздуха и на мгновение остановилась, растирая руки.

– Тут для тебя цветы, – сказала Мелани. Она следила за телефонами, одновременно поглядывая в учебник русского языка. Мелани была новенькой. Она по-прежнему верила в программу Фортунато, в то, что они не гейши, не проститутки, что мужчинам действительно важно, сколько языков они знают и могут ли обсудить с ними критическую теорию постмодернизма. Когда ее смена на телефоне закончится, она отправится на кулинарные курсы или уроки красноречия. Потом, той же ночью, она раздвинет ноги для мужчины, которому есть дело только до цвета ее волос и размера сисек.

– Опять Джерри? – спросила Вероника. Она бросила пальто на диван и сама на него повалилась.

– Не понимаю, что ты имеешь против него. Он милый.

– Я ничего не имею против. Но и за тоже. Он никто.

– Никто с кучей денег, который считает, что мир вращается вокруг тебя. В общем, я записала тебе его на сегодня, с десяти часов.

– На сегодня? – Казалось, стены вокруг нее сжимаются. У нее перехватило дыхание. – Я не могу.

– У тебя встреча, которую ты не занесла в компьютер? – Ичико приобрела для них «Макинтош», и за лето они все компьютеризировали. Девушки сами следили за обновлением своего расписания, и если одна из них лажала, то доставалось всем.

– Нет, я... я болею.

– Он уже оплатил и все такое.

– Перезвони ему. Сделаешь? Мне надо наверх. – Она поковыляла к своей комнате и, не раздеваясь, залезла в кровать, согнувшись пополам, прижав подушку к животу. Из окна ей было видно, как на улицу опускается ночь и мимо проезжают машины с включенными фарами. Лиз, ее пухлая серая кошка, забралась к ней на бок и стала мять лапками одеяло, громко мурча.

– Заткнись, прошу тебя, – сказала Вероника.

Лиз была еще одним напоминанием о Фортунато. Она была ее кошкой, хотя Вероника не особо о ней заботилась. Но у Фортунато и Лиз установилась особая связь. Она ходила за ним по квартире, мяукая, а затем забиралась к нему на колени, как только он садился.

Когда Фортунато уехал в Японию, кошка стала единственным, что у Вероники осталось от него. Наконец Лиз устроилась и начала тихо посапывать. Вероника не могла расслабиться и вскоре вся задрожала. Но это была не та дрожь, которая одолевала ее, когда Веронике требовалась доза. Та часть разума молчала. Это было что-то другое. Она задумалась – вдруг это из-за метадона, какая-нибудь странная аллергия? Чем дольше это продолжалось, тем больше она теряла связь с реальностью. Она не могла унять дрожь. Она что, умирает?

Она сняла трубку и набрала номер Ханны.

– Это Вероника, – сказала она. – Что-то со мной не так.

– Я знаю, – ответила Ханна. – Почему бы тебе не прийти?

– Прийти?

– Ко мне домой.

– Не знаю, смогу ли я. Я так странно себя чувствую.

– Конечно, сможешь. Поднимайся.

Вероника встала. Все было нормально.

– Ты стоишь?

– Да, – сказала Вероника.

– Хорошо. Записывай адрес.

Несколько минут спустя Вероника ехала в такси. Она посмотрела на свои ноги, на свою шерстяную, безнадежно помятую юбку-колокол. Она вытащила зеркальце из сумочки и взглянула на свою размазанную подводку и покрасневшие глаза.

– Я не виновата, – громко сказала она, и от этих слов слезы едва не хлынули новым потоком.

Она понимала, что находится на краю чего-то. У нее не было сил, чтобы сопротивляться, но она ощущала эту пропасть где-то внутри себя.

Ханна жила на третьем этаже дома по Парк-авеню Саус; модернизация явно обошла здание стороной. Лестница стерлась посередине, а площадки ничем не покрыты – только голый бетон. Ханна встретила ее у входа в квартиру.

– У тебя получилось, – сказала она. Казалось, их встреча принесла ей радость и облегчение.

Вероника смогла лишь кивнуть. В квартире было две комнаты и кухня. Почти никакой мебели, только коврики-татами и подушки и дорогая стереосистема с огромными колонками, которые стояли посреди комнаты. На стенах висели японские перьевые рисунки в дешевых рамках. Их восточная скромность напомнила ей о квартире, в которой они жили с Фортунато.

– Садись где хочешь, – сказала Ханна. – Я принесу тебе чай.

Из динамиков слышалась инструментальная музыка, что-то из нью-эйдж²⁴. Сейчас на фоне множества барабанов играла странно настроенная акустическая гитара. Как и во всей комнате, как и в самой Ханне, в музыке чувствовалась безмятежность, которой не хватало Веронике. Ханна принесла чай в маленьких, низких чашках без ручки. Чай был зеленым и немного сладким.

Скрестив ноги, Ханна присела на диван рядом с ней.

– У тебя такой вид, будто ты не спала.

– У меня внутри все связалось узлом. Может, из-за метадона.

– Метадон ни при чем. Это из-за чувств, которые три года пытались вырваться наружу.

– Здесь холодно?

Ханна коснулась ее руки. Дрожь стала сильнее.

– Нет, – сказала Ханна. – Это не метадон и не холод. Это просто ты. – Затем она медленно наклонилась к Веронике и поцеловала ее в губы.

²⁴ Мелодичная электронная музыка, в которой используются звуки природы, шум волн и т. д.

Поцелуй был нежным, но не сестринским; теплым, но не требовательным.

Вероника затряслась и обхватила себя руками, чувствуя, будто она пытается выплыть и не утонуть.

– Ты сбиваешь меня с толку...

– Ты уже сбита с толку. Когда ты в последний раз занималась любовью, наслаждаясь этим? Когда ты в последний раз лежала рядом с кем-то, чувствуя себя спокойно? Когда ты в последний раз задумывалась о том, что заслуживаешь счастья? Тебе необязательно отвечать. Я и так уже знаю.

Она встала и взяла Веронику за руку. Вероника пошла за ней – не в спальню, как она думала, а в ванную. Ханна открыла кран и раздела ее, осторожно, не прикасаясь к ней больше, чем следует. Комнату начал окутывать пар.

– Залезай, – сказала Ханна, и Вероника забралась в ванну. Горячая вода обожгла ее, лицо покраснело.

– Твое тело все еще очень красиво, – сказала ей Ханна. – Ты осторожна с иглой. – Вероника кивнула. Горячая вода уняла ее дрожь и помогла успокоиться. Она чувствовала себя одурманенной. Может, что-то было в чае?

Ханна сняла одежду и положила очки на край раковины. В талии она была слегка крупной, и ее живот выдался вперед, когда она сняла джинсы. Вокруг талии и под грудью остались красные полосы от белья. И все же Веронике она показалась красивой: бледные соски, скромный треугольник волос между ног. Вероника неосознанно потянулась вперед, чтобы коснуться тела Ханны, но затем остановилась, устыдившись и смутившись.

Ханна добавила в воду масла. Оно вспенилось и окрасило воздух ярким зеленым запахом полевых цветов. Затем она наклонилась перед ванной и снова поцеловала Веронику. Рот Вероники приоткрылся против ее воли, и она почувствовала привкус мятного чая в дыхании Ханны.

– Что ты со мной делаешь? – прошептала она.

– Соблазняю тебя, – ответила Ханна. – Если тебе что-то не понравится, если мои действия испугают тебя, просто скажи. – Она положила обе руки на щеки Вероники, затем медленно провела ими по ее шее и плечам. Вероника отклонилась назад, закрыла глаза, ее дыхание стало прерывистым. Тонкие нежные руки Ханны скользнули к ее груди.

– О, – вздохнула Вероника. Она таяла. Все ее тело превращалось в жидкость. Она уже не могла понять, где оно заканчивается и где начинается вода. Теперь, когда Ханна поцеловала ее, она наклонилась вперед и обняла ее обеими руками.

Когда Ханна уже помогала ей лечь в постель, вся энергия Вероники была исчерпана. У нее не осталось сил, не осталось разумных мыслей, только ощущения. Ханна была медленна, нежна и храбра. Она знала, куда прикоснуться и с какой силой. Первый оргазм с ней был самым сильным, который Вероника когда-либо ощущала. Она не чувствовала его так давно, что едва распознала. За ним последовали другие. Все они слились в сплошное удовольствие.

А после настал сон.

Ее разбудили солнечные лучи. Она открыла глаза и увидела темно-зеленые простыни. Она вспомнила все остальное и быстро поднялась, прижимая простыню к своему телу. Ханна лежала на боку, наблюдая.

– Что ты со мной сделала? Что было в том чае?

– Ничего, – ответила Ханна. – Если ты хочешь знать, что случилось, то мы занимались любовью.

– Это все слишком непонятно. Мне надо идти. – Она осмотрела комнату в поисках своих вещей, не желая вставать с кровати обнаженной на глазах у Ханны.

– Подожди, – сказала Ханна. В ней было какое-то спокойствие, которое Веронике показалось неизбежным. – Я знаю, что с тобой не так. Я – алкоголик. Я пила десять лет, а сейчас воздерживаюсь уже шесть. Я была замужем за человеком, которого ненавидела, а ненавидела его просто потому, что не хотела заниматься с ним сексом. Это не его вина, просто такова моя сущность. Никто не мог объяснить мне, в чем причина.

– Как это связано со мной? Хочешь сказать, я другой ориентации? – На полу рядом с ней лежало полотенце. Она обмоталась им и глянула в сторону ванной. Ее вещи были аккуратно сложены на полу.

– Может, и нет. – Ханна повысила голос достаточно, чтобы Вероника ее услышала. – Хотя мне кажется, что да. Но это неважно. Ты ненавидишь себя за то, что делаешь со своим телом. Это делает тебя беззащитной. А беззащитность – это сама суть любой зависимости.

Вероника застегнула свою помятую шелковую блузку и разгладила складки на юбке.

– Мне пора идти.

– Я оставила для тебя время на три часа. Если захочешь еще поговорить.

– Просто поговорить? Или ты трахаешься со всеми своими пациентами?

Последовало короткое обиженное молчание.

– Ты первая. Видимо, я должна думать, что пренебрегла врачебной этикой, но я так не считаю.

Вероника открыла дверь.

– Я подумаю об этом, – сказала она. Затем она застегнула пояс на пальто и побежала вниз по лестнице.

Когда она вернулась, Джерри уже ждал ее.

– Мелани говорит, ты заболела, – сказал он. – Я хотел спросить, не нужно ли тебе чего.

– Нет, Джерри. Это очень мило и все такое, но нет.

– Где ты была? Ходила на другую встречу?

Вероника покачала головой.

– Я была у врача, вот и все.

Джерри осмотрел ее с ног до головы. Вероятно, решил не ругаться с ней. Он присел на диван и взглянул на цветы, которые прислал ей днем раньше, – они по-прежнему стояли на столе у телефона, открытка даже не распечатана.

– Я зря трачу время, так ведь?

– Джерри. Что я должна на это ответить? Тебе не стоило влюбляться в проститутку. Я имею в виду, о чем ты вообще думал? Что я доступна по программе «Сними и выкупи»? – Она присела рядом с ним, коснулась его лица. – Ты милый парень, Джерри. Женщины, наверное, с ума по тебе сходят. Настоящие женщины. Вот чего ты заслуживаешь. А не какую-то пуэрториканку, которая наполовину наркоманка и наполовину шлюха. – Шлюха, подумала она. Она действительно это сказала.

– Мне нужна именно ты, – сказал Джерри, потупив взгляд.

– Ты даже меня не знаешь. Ты не представляешь. Пытаешься пойти напрямик и понять двадцать лет моей жизни за одну ночь. Но ничто не происходит так быстро. Дай себе немного времени.

– Мы можем сегодня увидеться?

– Нет. Не сегодня. – Она замолчала, собираясь с мыслями. – Никогда. Больше никогда.

– Почему? Я люблю тебя.

– Ты даже не знаешь, что такое любовь. Ты не знаешь, о чем говоришь. Вся эта романтика из фильмов, которые ты смотришь, не имеет ничего общего с реальной жизнью. Я не могу терпеть это. Я не хочу быть единственным, на чем держится этот твой выдуманный мир. Я не настолько сильна.

Она встала.

– Вероника, прошу тебя!

Она не могла смотреть на него. Его лицо искривилось, будто он старался не заплакать.

– Мне жаль, Джерри, – сказала она. – Ты найдешь кого-нибудь. Вот увидишь. – Она побежала наверх.

Полдень еще даже не настал, но она уже проснулась, голова была ясной. Ее обеспокоило то, что она чувствует себя настолько хорошо. Она приняла душ, надела джинсы и свитер и отправилась в центр за метадоном. «Хорошо, – думала она, стоя в очереди, пока ноябрьское солнце согревало ее волосы. – Ты можешь признать, что ты наркоманка. Ты можешь признать, что устала от обмана. И что тебе тогда остается?»

У всех девушек были сберегательные счета на имя Ичико. Половина их заработка каждый месяц откладывалась в фонд, что обязательно заносилось в новый компьютер. Если Вероника бросит эту жизнь, то сможет забрать деньги. Ей хватит хотя бы на пару лет. А что потом? Найти какого-нибудь болвана вроде Джерри, завести семью и детей?

Подошла ее очередь. За окном стоял парень в белом халате, он взглянул на ее рецепт и выдал дозу. Она выпила и выбросила стаканчик в переполненное мусорное ведро. Этого не хватало. Не хватало отсутствия боли, отсутствия нужды. Героин был чем-то большим, не просто окончанием боли. Он был броском, радостью, прохладным огнем, проходящим сквозь ее тело, как божья любовь.

Из сумочки она достала потрепанный листок с номерами телефонов и стала набирать. Дважды она попала на автоответчик, но на третий раз ей повезло.

– Кройд? – спросила она.

– Он самый. Где ты, дорогая? – Его слова обрывались приглушенными щелчками. Она не видела его уже три месяца. Он, скорее всего, спал и проснулся в искаженном теле. Ничего страшного. Она умела видеть суть за оберткой.

– В Челси, – ответила она. – Хочешь оттянуться?

Он был рядом с Ист-Ривер, в квартире на набережной, где два года назад она впервые провела с ним ночь. Это был тот День Дикой Карты, когда Астроном убил Кэролайн, а Фортунато уехал в Японию.

Под кайфом эти воспоминания никогда не беспокоили ее.

Кройд открыл дверь, а Вероника замерла и долго смотрела на него.

– Я бы поцеловал тебя, – сказал Кройд, – но боюсь навредить.

– Ничего страшного, я пас. – Щелканье, которое она услышала по телефону – это был его клюв, закрывающийся в конце каждого слова. Он был выше двух метров и весь покрыт перьями. Его руки присоединялись к телу тонкими перепонками.

– Ты можешь летать?

Он покачал головой.

– Я слишком тяжелый. Жалко, правда? Я могу немного планировать, например, с высоты второго этажа. Так что это не совсем напрасно.

Его черные глаза мерцали, а складки перьев над ними придавали его разумному взгляду живость.

– Может, я зря трачу время, – сказала она.

Его клюв слегка раскрылся в улыбке.

– Пусть крылья и не работают, но все остальное у меня в порядке.

Вероника покачала головой.

– У меня проблемы, Кройд. У тебя есть кокс?

На кухне они сели за стол – деревянную стойку с прожженными следами от сигарет и отслаивающимся лаком. Вероника втянула две дорожки, затем передала трубочку Кройду. Он вдохнул свою часть маленькими черными отверстиями у основания клюва. Вероника стерла остатки пальцем с поверхности стола и втерла их себе в десны.

– Лучше, – сказала она.

– Уверена, что не хочешь завершить эту беседу в постели?

Она покачала головой.

– Сейчас мне нужен друг. Со мной творится какая-то странная хрень. Я не пойму, в чем дело. – Она рассказала ему о Ханне, о том, как ее чуть не вырвало после недавнего «свидания».

Кройд внимательно слушал. По крайней мере, так ей казалось. Когда она закончила, он сказал:

– Может, я скажу глупость. Дело ведь касается не меня. Но нельзя идти наперекор своим чувствам. Тебе надо снова увидеться с этой женщиной при свете дня и принять решение. Может, ты другой ориентации. И что? Тебя правда волнует, что парочка полных придурков подумает о твоей сексуальной жизни?

– Такое чувство, будто мне четырнадцать лет, – сказала Вероника. – Все эти эмоциональные перепады. Я так не могу.

– Хочешь моего совета – даже не пробуй. Пусть все случится само. И если будут проблемы, можешь позвонить мне. – Его слова звучали так, будто его речь окончена, но Кройд колебался, словно должен был сказать ей что-то еще. – Ведь с тобой больше ничего не случилось? В смысле, никаких... никаких симптомов?

Он имел в виду свой бизнес «Тифозный Кройд». Она покачала головой.

– Нет. Никаких внезапных проявлений силы туза, никаких ласт вместо ног. Не думаю, что на меня это вообще как-то повлияло.

– Просто... я чувствую ответственность за это, вот и все.

– Не волнуйся об этом.

Он проводил ее до двери, а она крепко его обняла, несмотря на отчетливый едкий запах его перьев. Он положил руки ей на спину.

– Мне надо быть осторожным, – сказал он. – Если я слишком сильно согну пальцы, то появятся вот эти когти. – Он показал ей. Когда он смотрел на них, в его глазах светилось чувство удовлетворения.

– Пока, Кройд, – сказала она. – Спасибо за все.

Она пришла в офис Ханны незадолго до четырех.

– Я опоздала, – сказала она.

Ханна придержала дверь, когда Вероника входила.

– Ничего страшного. На сегодняшний вечер никто больше не записан. – Потом она продолжила: – Я рада, что ты пришла.

У Вероники кружилась голова от кокаина и всех ее переживаний, и она не могла сесть. Ханна заняла свое обычное место на стуле напротив дивана и столика, стоявшего перед ним.

– Как успехи с метадоном? – спросила Ханна.

– Хорошо, – ответила Вероника. – Все отлично. – Она прошла позади дивана, повернулась, оперлась на его спинку. – Нет, ничего не хорошо. Этого недостаточно. Я по-прежнему хочу быть под кайфом. Мне нужно это.

– Зачем?

– Зачем? Что за дебилский вопрос? Потому что мне нравится хорошо себя чувствовать. Потому что, когда ты под кайфом, тебя не волнует, как справиться со всем этим вселенским дерьмом...

– Каким дерьмом? – спросила Ханна. – В какое дерьмо, с которым тебе приходится справляться, ты влипла не по своей воле? У тебя все идет задом наперед. Ты думаешь, что можешь контролировать свою наркотическую зависимость, но не можешь контролировать свою жизнь. Все как раз наоборот, просто ты этого не знаешь. У тебя нет контроля над герои-

ном. Он владеет тобой. Его называют «жеребцом»²⁵, но это он ездит на тебе. Это первый этап программы, которая называется «Двенадцать шагов». Ты должна признать, что не можешь контролировать свою зависимость. И затем, позже, ты сможешь научиться быть ответственной за всю свою остальную жизнь. Это «способность к ответу». Не вина, не контроль, а ответственность. То, с чем ты должна примириться.

Вероника покачала головой.

– Тебе легко все это говорить. Но у меня нет никакой жизни. Моя мать – конченная шлюха, которая теперь сама подыскивает мне мужиков. Я не знаю, кто мой отец, и не думаю, что это известно моей матери. У меня нет братьев или сестер, к которым я могла бы обратиться. Я многое узнала из всего этого дерьма, которому нас учил Фортунато, но это ведь не диплом колледжа. Это не поможет мне найти какую-нибудь хорошую работу. Подумай, каковы мои шансы. Я закончу, как и ребята, с которыми ходила в школу. Стану старой и толстой, разведенной или замужем за человеком, который избивает меня каждые выходные. – Трудно было в это поверить, но своим монологом она действительно вывела себя из героинового кайфа.

– Так чего же ты хочешь?

– Сбежать. Хочу, чтобы за мной приехал красивый мужчина на быстрой машине и с кучей денег и забрал бы меня отсюда.

– И что потом?

– Потом мы будем жить долго и счастливо.

– Это чушь, Вероника. Ты не настолько глупа. Если все, что тебе нужно, – это просто какой-то мужчина, то ты могла бы выбрать любого. В чем разница между зависимостью от наркотика и зависимостью от мужчины? Никакой, и ты это знаешь. – Вероника подумала о Джерри, который забрал бы ее, если бы только она ему позволила.

– Почему тебе так важно, что со мной будет?

Ханна подошла к окну и выглянула на улицу.

– Когда ты вошла сюда, я увидела саму себя шесть лет назад. В тебе есть свет. Жар. Сексуальный, эмоциональный, духовный. Его было слишком много, всю твою жизнь. Тебе пришлось обратиться к героину, чтобы жар не поглотил тебя. – Она обернулась и посмотрела Веронике прямо в глаза. – Мне нужен этот свет. Мне нужно все, что есть у тебя. Вдвоем, вместе, мы будем гореть, пока не сожжем друг друга.

У Вероники перехватило дыхание. Она встала, чувствуя, как ткань свитера больно трется о ее набухшие соски. Она подошла к двери и заперла ее. Джинсы сжимали ее между ног, сводя с ума. Она сбросила туфли и стянула свитер через голову.

– Покажи мне, – сказала она.

В пятнадцать она влюбилась в восемнадцатилетнего члена мексиканской банды и трахалась с ним при любой возможности: на заднем сиденье машины, в парке, однажды – на лестнице в своей школе. Секс всегда был быстрым и животным, а после она возвращалась домой в свою пустую комнату. Там, думая о своем мальчике, она могла довести себя пальцами до такого оргазма, которого никогда не испытывала, когда он был внутри ее.

С тех пор она занималась сексом с сотнями мужчин. Никто из них тоже не доводил ее до оргазма, даже Фортунато, а что касается любви, она убедила себя, что и та – мужского рода.

Ханна все это изменила. Они занимались любовью пять или шесть раз в день. Все было равносильно. Для всего, что есть у Ханны, было и что-то у Вероники. После этого они спали в объятиях друг друга. С помощью нежных рук и языка Ханны Вероника обнаружила в себе чувствительность, которая до этого ей даже не представлялась возможной ни с кем другим.

²⁵ Англ. horse – на американском сленге также обозначает героин.

– Женщина не достигает оргазма от того, что в нее входит мужчина, – рассказала ей Ханна. – Я читала, что это заложено в нас, слышала о женщинах, с которыми это случается. Но мне не довелось встречаться ни с одной из них. Каждой женщине, с которой я беседовала, нужно что-то большее.

– Большее, – повторила Вероника. – Мне нужно большее.

Она выходила из квартиры Ханны лишь настолько, чтобы успеть забрать ежедневную дозу метадона. Она носила одежду Ханны, только когда ей вообще хотелось что-либо надевать. Она делала то, что сказал ей Кройд. Она перестала бороться и отдалась ощущениям: запаху, теплу и вкусу тела Ханны, необычной еде и чаю, который ей готовила Ханна, длинным ночам физической и эмоциональной близости, где ничто не было под запретом.

Ну, почти ничто. Вероника стала часами рассказывать о своем детстве, об ужасах католической школы, о запутанном семейном древе из тетюшек, дядюшек и кузенов, о лицемерии в разделении полов согласно католическому учению: девочки постоянно делали парням минет, но мысль о потере их священной девственности приводила их в ужас.

Но именно Ханна была более сдержанна. Она говорила о своем детстве, о бывшем муже, о родителях. Она была оригинальной и пылкой любовницей, не боявшейся ничего. Она заставляла Веронику читать о зависимости и феминизме, о марксизме и вегетарианстве, обо всем, что было частью ее жизни. Но она никогда не рассказывала о времени своего перехода, о годах, заполнивших время от ее замужества и пьянства до новой и трезвой работы психологом.

Были некоторые намеки. Раньше она состояла в какой-то группе радикальных феминисток. Она никогда не упоминала название группы.

– Они верили во многие вещи, которые меня не устраивали, – вот и все, что она об этом говорила.

– Какие вещи?

– Вещи, которые могут привлечь того, кто по-прежнему полон гнева и злобы. Вещи, которые нужно перерасти, если хочешь чего-то добиться.

Вероника подумала, что она имеет в виду насилие. Взрывы, или убийство, или что-то еще незаконное. А так как Ханна не хотела об этом говорить, Вероника больше не касалась этой темы.

Вероника первая сказала: «Я люблю тебя».

Это было на рассвете. Они лежали рядом, зажав руки друг у друга между ног, едва касаясь губами. Удовольствие было настолько сильным, что слова вырвались из нее неосознанно. Ханна крепко сжала ее руку и сказала:

– Меня пугают твои слова. Люди говорят «люблю» и используют это слово в качестве оружия. Я не хочу, чтобы с нами случилось то же самое.

– Я все равно тебя люблю. Что бы ты ни сказала. Нравится тебе это или нет.

Ханна отодвинулась от нее достаточно, чтобы взглянуть ей в глаза.

– Я тоже тебя люблю.

– Я хочу слезть с метадона. Хочу бросить наркотики.

– Хорошо.

– Прямо сейчас. Сегодня.

– Тебе будет плохо. Я могу достать лекарства, которые немного помогут, но это жуткое мучение. Ты уверена, что готова к такому?

– Я хочу этого.

– Подожди еще неделю. Нам надо выбраться, вернуть тебя в реальный мир. Если на следующей неделе ты не передумаешь, то мы попробуем.

– Думаю, я согласна, – сказала Вероника. Она слегка промокнула глаза салфеткой. Они обе притворились, что не заметили ее слез. – Что я скажу Ичико?

– Не знаю. А ты как думаешь?

– Ты опять говоришь как психолог. – Ханна пожала плечами. – Наверное, скажу ей, что уезжаю. Что завязываю с этим. Думаю, она и так это уже поняла.

На самом деле так и было.

– Надеюсь, ты будешь очень счастлива, – сказала она. Она обняла Веронику. – Я вижу, что ты уже счастлива. Вот кое-какие деньги, чтобы тебе было проще. – Сумма в чеке была больше, чем Вероника могла ожидать. – Твой трастовый фонд плюс кое-что от меня.

– Я не знаю....

– Возьми их, – сказала Ичику. – Времена меняются. Я уже не так уверена в этом бизнесе, как раньше. Я смотрю вокруг и вижу всю эту ненависть. Они ненавидят джокеров и тузов. Когда я только приехала в эту страну, они ненавидели меня за то, что я японка. Во время тихоокеанских военных действий отцу Фортунато пришлось скрывать нас, чтобы нас не забрали в лагеря. Люди боятся друг друга, причиняют друг другу зло. Мои гейши уже не справляются с этим. Когда мужчина использует женщину, это не делает его лучше. Так же как и использование черных рабов белыми людьми не делает их лучше. В конце концов они лишь начинают ненавидеть друг друга.

– Что ты такое говоришь? Ты собираешься закрыть свой бизнес?

Ичику пожала плечами.

– Я думаю об этом, все чаще и чаще. Все это давление, все эти гангстеры и толстосумы, которые хотят захватить власть в бизнесе. Если я закрою свое дело, они уйдут и оставят меня в покое. Денег у меня достаточно. Да и кого вообще волнуют деньги? – Она снова протянула чек Веронике, и в этот раз она взяла его. – Иди и будь счастлива, находи любовь там, где сможешь.

Вероника поднялась наверх и собрала вещи. В конце концов она поняла, что нельзя больше откладывать, и постучала в дверь комнаты своей матери.

Днем они вместе ходили в кино. Держались за руки, как подростки. Позже, когда они обедали в китайском ресторанчике, Ханна сказала:

– Думаю, тебе надо перевезти кое-какие вещи. Одежду и все такое. Ну ты понимаешь. И твою кошку.

– В смысле, переехать к тебе.

Миранда почти все узнала от Ичику, а о чем не узнала, догадалась сама. Она взяла руки Вероники в свои и долго держала их, не говоря ни слова. Наконец она сказала:

– Знаешь, меня не волнует, что ты полюбила женщину, а не мужчину. Ты знаешь, я рада, что ты бросаешь... эту жизнь. Я никогда не желала для тебя такого. – Она вздохнула. – Просто будь осторожна, милая, прошу тебя. Ты ведь знаешь эту женщину – сколько, меньше двух недель?

Вероника убрала свои руки и встала.

– Мама, ради всего святого...

– Я не собираюсь все тебе портить...

– Нет, собираешься. Именно это ты и пытаешься сделать.

– Я просто хочу сказать, что ты еще плохо ее знаешь. Я хочу, чтобы у тебя все получилось, правда, но может и не выйти, и...

– Хватит, – сказала Вероника. – Я не хочу это слушать. Хотя раз в жизни порадуйся тому, что я счастлива. А если не можешь, тогда закрой свой рот. – Она вышла, хлопнув дверью, и понесла свои вещи к такси, в котором ее ждала Ханна.

По дороге домой Лиз нервно топталась у нее на коленях, а Вероника начала трястись.

– Ты в порядке? – спросила Ханна. – Ты сегодня принимала метадон?

– Принимала, – ответила Вероника. – Дело не в этом. – Хотя симптомы были очень похожи. Она чувствовала себя вялой, а все внутренности будто связало в узел. – Мне страшно, вот и все.

Ханна обняла ее.

– Страшно? Чего ты боишься?

– Передо мной вся моя жизнь. Вот она, ждет меня. Я не знаю, что с ней делать.

– Проживи ее, – сказала Ханна. – Вот и все. По одному дню зараз.

На следующий день они гуляли по Пятой авеню, разглядывая витрины. Вероника оставалась у магазина «Sak's», в витрине которого увидела блестящее голубое платье без бретелек.

– Боже, – сказала она. – Оно великолепно.

Ханна взяла ее за руку и, смеясь, увела вперед.

– И политически некорректно. Это просто упряжка, которую на нас надевают мужчины. Идем. Давай снимем твои деньги из банка, пока они не превратились в волшебную пыль или еще что.

Они дошли до «Чейз Манхэттен» и зашли внутрь. В банке была одна очередь, обозначенная стойками с красными бархатными лентами, ведущая к принимающим и выдающим наличные кассам. Вероника встала в конец очереди, в которой уже было шесть человек; еще двое стали позади нее.

– Я немного пройду, – сказала Ханна. – Ненавижу очереди. У меня от них начинается клаустрофобия.

Во взгляде Ханны появилось беспокойство, которого раньше Вероника никогда не замечала. Она вспомнила, что сказала ее мать, и поняла, как мало на самом деле она знала эту женщину, которую любила.

– Ты что, шутишь?

– Нет, – ответила она, ее улыбка сверкнула, будто мигающая лампочка. – Не шучу. – Она переступила через бархатную ленту и пошла в более просторную часть холла. Вероника не могла не заметить симпатичного паренька-блондина: он стоял в паре метров от нее у стойки и заполнял какой-то бланк. Ханна тоже его заметила и обернулась, чтобы посмотреть еще раз.

Вероника почувствовала укол ревности. Пареньку было около восемнадцати, он был одет в дорогие брюки цвета хаки, кожаные мокасины и свитер с V-образным вырезом, под которым не было рубашки или майки. Длинное черное пальто он перекинул через руку. Его волосы выбивались из-за ушей и падали на плечи, на щеках была легкая щетина. В нем была какая-то естественная сексуальность, которая не ускользнула ни от кого из окружающих.

Ханна улыбнулась и покачала головой. Казалось, будто она улыбается самой себе, а не этому парню. Она пошла в сторону выхода. Мужчина, стоявший позади Вероники, шумно кашлянул. Вероника подняла взгляд, увидела, что очередь двинулась вперед, и подошла поближе. Она обернулась в сторону Ханны как раз вовремя, чтобы увидеть, как она пошатнулась.

– Ханна?... – позвала ее Вероника.

Ханна удержала равновесие и сделала пару нерешительных шагов. Будто ее каблуки вдруг стали для нее слишком высокими. Но Ханна вообще не носила каблуки. Она повернулась и посмотрела на Веронику.

Ее глаза были другими. В них блеснуло что-то безумное, как и в ее улыбке. Вероника посмотрела на длинную очередь, собравшуюся за ней. Она не хотела потерять свое место, но если что-то и вправду было не так... Внезапно Ханна сорвалась и побежала.

Она двигалась медленно и неуклюже, но охранника это застало врасплох. Ханна вытащила пистолет из его кобуры и направила ему в голову, прежде чем он успел понять, что происходит.

– Ханна! – закричала Вероника.

Пистолет дернулся в руке Ханны. Выстрел эхом отразился от мраморных стен, и на мгновение настала полная тишина. Охранника отбросило к стене, пуля прошла через щеку и оставила черную дыру в его лице. Падая на пол, он оставил длинный красный след на светлой стене.

Вероника попыталась перепрыгнуть через ограждение, но зацепилась за бархатную ленту. Упав и снова выстрелив, Ханна повернулась в ее сторону, и пуля просвистела над головой Вероники. Тишину разорвали крики и вопли паники. Сработала сигнализация, которую почти полностью заглушал остальной шум. Клиенты, большинство из которых были мужчины в темных костюмах, бросились к выходу. Ханна обернулась в их сторону, на ее лице отвратительная улыбка.

Вероника поднялась и побежала к Ханне. Вооруженные охранники начали стекаться в холл со всех частей здания. Один из них крикнул на Веронику, что-то вроде «Эй, дамочка, не подходите!». Другой охранник выстрелил над головой Ханны, а Ханна выстрелила в него, дважды. К тому времени Вероника была в воздухе.

Она схватила Ханну за талию, и вместе они упали, заскользив по отполированному полу. Пистолет выскочил у нее из руки и откатился в сторону. Страх придал ей сил, и Вероника заломила руки Ханны у нее над головой.

– Это я, твою мать! – вопила Вероника. – Что с тобой такое?

На другом конце холла кто-то свалился на пол.

Это был тот светлый паренек в свитере. Он казался ошеломленным, парализованным, будто с ним случился удар. Его лицо перекошилось от ужаса и чего-то еще, от близости чего-то недоброго. Он начал поднимать руку к лицу, а потом дернулся вперед, как сломанная кукла.

И затем, как только их окружила охрана, Вероника увидела, как в глаза Ханны снова вернулся свет. Ее губы зашевелились, но она не издала ни звука. Две пары рук оттащили Веронику в сторону. Еще двое банковских охранников и один полицейский целились в Ханну, крича ей, чтобы она не двигалась. Спустя пару секунд на нее надели наручники и вывели наружу. Вероника пыталась вырваться, но охранники усилили хватку. Она вытянула шею, чтобы разглядеть в толпе светлого парня. Его там не было.

Ее отвезли в участок на полицейской машине. Сначала они просто хотели услышать от нее рассказ о событиях, снова и снова. Вероника сказала им, что они с Ханной вместе снимали квартиру, рассказала им про героин, про чек, с которым она шла в банк. Когда ее спросили о том, что там произошло, она ответила, что не знает.

– Это была не Ханна, – сказала она.

– У нас есть десяток свидетелей, которые утверждают обратное.

– В смысле, внутри ее тела был кто-то другой. Как будто она была... не знаю. Одержима.

– Одержима? Это дьявол заставил ее сделать?

– Я не знаю.

Она рассказывала все снова и снова, пока слова не потеряли значение.

Затем полицейский, одетый в костюм, вышел на свет и спросил:

– Что ты знаешь о группе, которая называет себя «ЖОЗСР»?

– Никогда о них не слышала. Можно мне воды?

– Через минуточку. Знаешь, что обозначает аббревиатура?

– Я же сказала, я не...

– Женская организация за сексуальное равноправие²⁶. Теперь вспомнила?

– Нет, я...

– В прошлом году был бунт возле клиники, где делают аборт. По вине этой «ЖОЗСР» пятеро протестующих и один полицейский попали в больницу.

– Ну и правильно, – сказала Вероника.

– Полицейский скончался. Все еще думаешь, что это забавно? За последний год произошло как минимум семь случаев публичного проявления насилия этими женщинами. Одним из пострадавших был твой бывший работодатель. Фортунато.

– И это как-то связано с Ханной?

– Не очень. Она всего лишь глава группы.

– Что? Это невозможно.

– Ну, ты же все о ней знаешь, так ведь? Как давно ты с ней знакома? Кажется, ты говорила, десять дней?

– Она сказала, что уже не связана с этими людьми.

– Ты только что говорила, что никогда не слышала о «ЖОЗСР»!

– Она не упоминала название. Говорила, что была членом какой-то радикальной организации, но не соглашалась с их методами. Сказала, что это уже давно в прошлом.

Невысокий лысеющий мужчина в очках сказал:

– По ней все чисто, Лу. Она не врет.

Мужчина был тузом низшего уровня, самым слабым из телепатов. Десять или пятнадцать таких полиция наняла в штат, чтобы использовать их в качестве детекторов лжи.

– Тогда к черту это все, – сказал мужчина в костюме. – Мы тебя отпускаем. Но ты не должна отходить от телефона, по которому я смогу с тобой связаться, больше чем на час. Понятно?

– Я хочу ее увидеть, – сказала Вероника.

– Забудь об этом. К ней приехал адвокат. Больше она ничего не получит.

– Кто ее адвокат?

Мужчина в костюме вздохнул.

– Бад?

Один из копов пробежал глазами файл.

– Адвоката зовут Манди. – Он присвистнул. – Из «Леттем, Штраусс». Горячая штучка.

– А теперь убирайся отсюда, – сказал мужчина в костюме. Двое полицейских в форме отвезли ее домой и поднялись с ней в квартиру. У них был ордер с печатью и подписью. Она села на пол и смотрела, как они раздирают комнату на кусочки. Один из них нашел эротические игрушки в тумбочке у кровати. Он показал своему партнеру деревянные вагинальные шарики, затем посмотрел на Веронику.

– Пошел ты, – сказала она, краснея и чуть не плача. – Положи это на место.

Коп пожал плечами и убрал шарики. Наконец они ушли. Вероника внимательно за ними следила. В квартире не нашлось ничего, ни единой улики, которая свидетельствовала бы о связи Ханны с «ЖОЗСР»!

Как только они ушли, она позвонила в «Леттем, Штраусс». Она оставила свой номер на автоответчике. Повесив трубку, она принялась беспокойно кружить по дому, вешая рисунки назад на стены, складывая одежду в ящики, протирая шкафчики. Телефон зазвонил.

– Вероника? Это Диан Манди.

– Слава богу.

– Я как раз собиралась позвонить вам, когда получила ваше сообщение. Ханна просила меня передать, что с ней все в порядке, что ей никто не причинил вреда. – Голос женщины

²⁶ В оригинале название организации складывается в аббревиатуру «WORSE!» – в пер. с англ. «ХУЖЕ!».

выражал уверенность, контроль, некое искусственное тепло. Вероника представила ее блондинкой с волосами выше плеч, золотыми кольцами и тремя нитками жемчуга на шее. – Сейчас я никак не смогу устроить вам встречу. Она это понимает и шлет вам свою любовь.

Слезы побежали по щекам Вероники.

– Что произошло? Она рассказала, что с ней произошло?

– Она пыталась объяснить, но честно говоря, ее рассказ не совсем логичен. Вероятно, это был некий внетелесный опыт. Она почувствовала шок, дезориентацию и вдруг оказалась где-то далеко. Будто смотрела на себя, стреляющую в охранника, со стороны. Не знаю, что на это скажет суд. Вы не в курсе, приходилось ли ей лечиться от эмоционального расстройства? Или кому-то из ее родственников?

– С Ханной все в порядке, – сказала Вероника. – Кто-то другой был в ее теле, когда она убивала охранника. Это была не Ханна.

– Так она и сказала.

– А что насчет светловолосого парня?

– Какого светловолосого парня?

– Когда Ханной... что-то овладело, или что там это было, я видела светлого паренька. Он просто повалился, как зомби. А потом, когда Ханна вернулась в собственное тело, я нигде не могла его найти.

– Я не понимаю. К чему вы ведете?

– Я не *знаю*. Но думаю, что этот парень как-то замешан.

Долгая пауза.

– Вероника, я знаю, что вы расстроены. Но вы должны мне довериться. Ханной занимается лучшая юридическая фирма города. Если кто и сможет помочь ей, так это мы.

Она не могла заснуть. Она думала о Ханне, которая находится в сырой и вонючей камере одна, страдает от клаустрофобии, сходит с ума от страха. Вероника ничего не могла сделать, чтобы убедить полицию – или даже адвоката Ханны – в том, что, по ее мнению, на самом деле случилось. На курок нажалось нечто, что не было Ханной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.